

ОЛЕГ МИХАЛЕВИЧ

ФОРС- МАЖОР

РАССКАЗЫ

BYBLOS

Олег Михалевич
Форс-мажор. Рассказы

«Библос»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Михалевич О. И.

Форс-мажор. Рассказы / О. И. Михалевич — «Библос»,
2016

ISBN 978-5-905641-38-1

Каждый из героев сборника рассказов «Форс-мажор», кем бы он ни был – моряком, предпринимателем, банкиром, врачом, офицером, священнослужителем, журналистом, обычным трудягой – всегда яркая и неповторимая личность, попадающая в необычные, поражающие воображение ситуации. Обширна и география рассказов – от бескрайних океанских просторов до сибирской глубинки. Точно выбранная интонация прирожденного рассказчика, автора ряда популярных книг, мгновенно втягивает читателя в удивительный мир образов, событий, поданных с тонкой иронией, юмором, шармом, с глубоким философским подтекстом, в мир, выбраться из которого невозможно, даже перевернув последнюю страницу. Олег Михалевич – автор многих книг прозы и поэзии, а также переведенной на ряд европейских языков популярной книги «Как жить, не болея и не старясь». Биография автора, основателя первого в Советском Союзе частного издательства «Слово», не менее экзотична, чем его рассказы. В прошлом штурман дальнего плавания, журналист, издатель и предприниматель, живет и работает в Риге, Латвия.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-905641-38-1

© Михалевич О. И., 2016

© Библос, 2016

Содержание

Бомба	7
Морской гормон	13
Задница	13
Свой	16
Якорь	21
Плохие парни	25
Охота	28
Морская любовь	32
Пальто	36
Тревога	45
На спор	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег Михалевич

Форс-мажор. Рассказы

© Олег Михалевич, 2016.

© ООО «Библос», 2017.

* * *

Бомба

– Не клюет, проклятая! – Турунов с сожалением посмотрел на новенький японский спиннинг, словно это именно он был виноват в неудачной рыбалке, перевел взгляд на скользящую по водной дорожке блесну. Она ярко отсвечивала на солнце серебристой спинкой, вращалась, как живая, и непременно должна была привлечь любую проплывавшую мимо хищно ориентированную живность, желательного размера. Но не привлекала.

Конечно, неудачу можно было списать на то, что окуньки да щучки в глухой российской глубинке не научились еще реагировать на хитроумные японские поделки. Не привыкли. Однако рядом в бережок воткнуты были два удилица из орехового прута, с их кончиков добротной свисала бело-желтая отечественная леска, переходящая в неподвижные поплавки из гусиных перьев и пробки, под ними, невидимые отсюда, вяло подергивались на каленых крючках выкопанные на ближнем огороде сугубо российско-черноземные черви, добросовестно оплеванные сидящими рядом аборигенами, а результат был тот же. То есть никакого.

Турунов отложил спиннинг в сторону, встал, смачно, до хруста костей потянулся и подошел к стоящему поодаль раскладному походному столику, возле которого на легких складных стульях разместились шеф крупной московской газеты Сергей Степняков и известный финансист Витя Граков, ради которого, собственно, и была затеяна рыбалка. Еще один член их компании, Вова Симов, главный редактор Степняковской газеты, возился у самой воды с аквалангом, на котором красовалась нанесенная несмываемой краской подпись самого Жак-Ива Кусто. Всем им было под сорок, все имели чуть поплывшие фигуры бывших спортсменов и каждый успел кое-чего достигнуть в жизни. Хотя и в разной степени.

– Тост имею, мужики! – зычно сказал Турунов и взял наполненный водкой стакан. Двое местных, караулящих бесполезные удилица, сразу повернулись на зов, полагая, что под определение «мужики» они точно подходят, и Турунов сделал приглашающий жест. Один из них, сухонький бодрячок шестидесяти пяти лет отроду, был не только их сегодняшним проводником, но и приходился Гракову родственником, кем-то вроде двоюродного дяди, о котором Витя вспомнил, едва речь зашла о рыбалке, и предложенное им место было тут же безоговорочно принято, хотя и пришлось затем гнать сюда на двух машинах целых три часа. Но цель оправдывала средства.

Родственник Гракова и его пятидесятилетний напарник Петя, не заставляя себя просить дважды, мигом оказались у стола, и даже Симов, бросив акваланг, переместился поближе. Все они с чрезвычайным вниманием уставились на Турунова, и он вдруг понял, что задуманный им довольно-таки витиеватый тост о женщинах вряд ли будет понят всеми в достаточной степени, а потому и не совсем уместен, и ему захотелось сказать нечто более важное, более значительное. Выдержав паузу, он широким жестом повел рукой со стаканом вокруг себя и постарался вложить в голос как можно больше задушевности:

– Друзья! Главное на рыбалке – не то, сколько рыбы удастся выудить из воды. Хотя она, скажем прямо, не помешала бы. И не то, в какой компании ты на эту рыбалку отправился. И даже не то, куда ты приехал. Главное – во всем вместе взятом. И когда такая компания, как наша, приезжает в такое место – а я хочу отдельно сказать за это огромное спасибо нашему Вите, то она, компания, просто обязана выпить за поразительную красоту русской природы!

И «мужики», дружно крикнув, быстро опорожнили тяжелые круглые стаканы, сконструированные для питья виски так, чтобы толстое стекло подольше удерживало температуру охлажденного льдом напитка; но и водка, кристально-прозрачный Smirnoff, воспринималась из них неплохо, о чем красноречиво свидетельствовали уже две порожние бутылки, составленные под столом. Пили все одно, а вот закусывали по индивидуальному плану: кто

задумчиво прожевывал бутерброд с красной икрой, кто изящным движением отправлял в недра желудка соленый огурчик, кто вгрызлся в увесистый бочок копченой курицы.

Витя Граков ловко выловил в полулитровой банке последний маринованный шампиньон, мгновенно втянул его в себя и сожалеюще чмокнул:

– Хороший тост. Оторвались мы от природы. А красотища-то вокруг – ох, загляденье!

И все тотчас, словно только теперь осознав до конца значение тоста, с восхищенным видом оглянулись вокруг. Да и посмотреть, надо сказать, было на что.

Речка, да, скорей, речушка просто, метров десять всей ширины-то, а вода в самом глубоком месте не поднималась выше пояса, неспешно струилась в низинке между убегающих вдаль холмов. Их склоны покрывал редкий вблизи лиственный лес, залитый солнцем и сливающийся на горизонте в сплошную синюю полосу. На ближних подступах к невидимой с этой точки деревни хорошо различались заросшие высокой травой проплешины полей, тонкой змейкой сбегала с них почти к самому месту рыбалки проселочная дорога, на обочине которой пристроились черный шестисотый «мерседес» Гракова и серебристый BMW-730 Степнякова. Но запах нагретого металла и бензина плотно перекрывался терпким настоем свежескошенной травы. Журчания воды почти не было слышно, ни единый листок на могучих березах не колыхался в раскаленном воздухе, и тишину нарушал только стрекот кузнечиков и неутомимое «вжик-вжик» – на ближней поляне, совсем рядом, не перекликаясь и не поднимая голов, неутомимо косили траву шесть плотно сбитых баб в пестрых ситцевых платках.

Вжик-вжик.

Степнякову было скучно. Водку он не пил, так как сегодня ему еще предстояло везти назад в Москву всю компанию за исключением Гракова – тот никуда не спешил и собирался остаться до утра у своего родственника, чтобы вспомнить годы молодые и хорошенько отоспаться на сеновале, – а пиво успело основательно нагреться и превратилось в противную, начисто лишённую признаков пены бурду, которую он брезгливо подносил ко рту, трогал кончиками губ и отодвигал обратно. Перед поездкой он надеялся, что клев будет хороший и можно будет всласть поколдовать над костерком, блеснуть кулинарным мастерством, а уж затем под ушицу, под запеченного в фольге окунька или щучку исподволь подвести дело к разговору о финансировании газеты.

Однако пока все было не так, рыба не шла, мужики в азарт не входили, и начинать запланированный разговор не стоило – такие вещи он чувствовал тонко. И сейчас ему было просто скучно.

– Хоть бы шашки у вас были, – скрыв рукой зевок, сказал он.

– О, блин! – оживился вдруг родственник Гракова. – Точно! Есть у меня одна шашка! Дома припрятана.

– Да что толку – с одной?

– Как что? Рванем – вся рыба наша!

От внезапного возбуждения Витя Граков вскочил на ноги, оглушительно захохотал и в нетерпении прошелся к речушке и обратно.

– Каков дядя Миша, а? Граковская порода! Шашка – так тротиловая! – он победно оглядел оживившуюся компанию. – Ну, теперь дело будет! В деревне, говоришь, дядь Миш? Давай сгоняем.

Не дожидаясь ответа, Граков двинулся к «мерседесу», но Степняков остановил его:

– Постой, Витя! Давай лучше на моей. Я ж не пил...

– Ладно, – сразу согласился Граков, но не удержался и вслед за дядей Мишей забрался в BMW.

Дядя Миша жил в небольшом, но крепеньком, как боровичок, доме из белого силикатного кирпича с выкрашенными ядовитой синей краской дверьми и ставнями – такими же,

впрочем, как и во всей деревне. Забравшись в подпол, он сначала нацедил гостям по кружке настоенного на грибе и хорошо охлаждающего кваса, вновь нырнул вниз и, не успели они выпить по полкружки, выбрался из люка с аккуратно замотанным свертком.

– Откуда это у вас? – поинтересовался Степняков, но вопрос, кажется, прозвучал неуместно. Дядя Миша отвел взгляд в сторону, поскреб в затылке большой морщинистой пятерней, неопределенно хмыкнул, но из уважения к гостю все же ответил:

– Так мы ж не лаптем деланные... Война была.

И замолк надолго. Но на подробностях Степняков и не настаивал.

Когда они вернулись назад, вся компания в нетерпении прогуливалась по берегу, обсуждая предстоящее развлечение.

Граков сам примотал синей изолентой тридцатисантиметровый отрезок бикфордова шнура к тротиловой шашке, поджег шнур, размахнувшись, швырнул заряд на середину речки и ничком нырнул за толстый ствол ближайшей березы. Остальные уже осторожно выглядывали из-за схожих укрытий.

Полминуты прошло в напряженном молчании, прерываемом лишь работой бабьих кос.

Вжик-вжик, вжик-вжик.

Потом над водой взметнулся небольшой фонтанчик, раздался негромкий хлопок, и вновь все стихло. Только вжик-вжик, вжик-вжик.

Выждав, рыболовы выбрались из укрытий, подошли к воде и стали напряженно всматриваться в поверхность. Прошло несколько минут. Ни одна рыба не всплыла.

– Слабовата шашка, – заметил Турунов. – Только пукнула. Ладно, черт с ней, давайте лучше еще по рюмахе.

На этот раз выпили без тостов, разочарование переросло в неловкость, натянутость. Да и закуска подходила к концу – надеясь на рыбу, ее хорошенько не рассчитали. Впору было сматывать удочки.

– У меня покрепче есть, – внезапно подал голос молчавший до сих пор и неясно с какой целью взятый сюда Петя.

– Самогонка, что ли? – хмыкнул Вова Симов. Выпил он заметно меньше других, так как не меньше часа провел под водой, пытаясь разглядеть что-либо на илистом дне, заигрывание с Граковым ему не нравилось, но надо было терпеть, и он тоже начал скучать. Возможность врезать покрепче, чтобы день не прошел совсем уже зря, и заодно посмотреть поближе, что за гусь этот Граков, его немного оживила.

– Зачем самогонка? – Петя неторопливо обсосал последнее куриное крылышко и обтер пальцы о пучок травы, не обращая внимания на толстую пачку красных бумажных салфеток. – Бомба.

– Что еще за бомба? – не понял Симов, предполагая нарваться на очередной эвфемизм. Если для местных «шашка» – это просто тротильный заряд, то «бомбой» вполне может оказаться какая-нибудь горячительная смесь покрепче самогонки.

– Обыкновенно какая. Самолетная. На огороде в позапрошлом годе нашел, схоронил на всякий случай. Рванем, может?

– Конечно, рванем! – Граков и сам ощущал некую ответственность за выбранное им место, прямо сказать, не самое удачное. А неудач он не любил. Зато любил говорить, что из любого поражения надо уметь выклевать зерна победы, сам применял эту формулу давно и удачно, и теперь вновь оживился. – Где она у тебя? Давай, Серега, сгоняем.

– Ну уж нет! – Степняков протестующе поднял вверх сразу обе руки. – Тут я пас. Вы что, ребята, не хватало еще бомбы в машине возить. Давайте искупаемся лучше.

– К черту! Сам повезу! Кто со мной?

Упрямо набычившись, Граков, не оглядываясь, двинул к своему «мерсу», за ним послушно засеменял Петя, а секундой позже, с виноватой улыбкой бросив, что надо малость

подсобить племяншу, к машине поспешил и дядя Миша. Нетерпеливо рыкнув, «мерседес» взметнул из-под колес облако пыли и быстро запетлял по ухабистой дороге.

– Охота пуще неволи, – Турунов проводил взглядом скрывающуюся за поворотом машину и, щурясь от солнца, повернулся в другую сторону. – А эти-то, эти, гляньте, как пашут!

Мужчины заворуженно уставились на косарей. Вжик-вжик. Платки скрывали лица баб так, что определить их возраст было невозможно, и только фигуры говорили о том, что их обладательницы далеко не девчонки. Платья их взмокли, плотно облепив крупные, плавно покачивающиеся в такт движениям груди, могучие ягодицы, широкие, не женской силой налитые плечи. Вжик-вжик. Неспешно размашистые, но и не остановимые ничем движения. Казалось, окажись на их дороге лес, с той же неодолимой силой снесут женские косы, как траву, стволы берез, все, что окажется на пути. А когда закончат они свой труд и, стянув пропахшие потом платья, войдут в реку, та, ожегшись о раскаленные тела, зашипит, выйдет из берегов...

Но пока до конца поляны было далеко, и ни одна из них и не помышляла об отдыхе. Только вжик-вжик. Вжик-вжик.

Вскоре на дороге показался «мерседес». На этот раз он едва полз, тщательно обходя ямы на дороге, мягко переваливаясь через ухабы.

– Везут! – вдруг пересохшими губами прошептал Турунов.

Никто и не заметил, в какой момент остановился могучий автомобиль – настолько плавным и осторожным было его торможение. И только когда опустилось стекло со стороны водителя и Граков хриплым голосом позвал на помощь, все кинулись к медленно открывающейся дверце. На заднем, пахнувшем дорогой кожей диване сидели красные от напряжения Петя с дядей Мишей и, как ребенка-переростка, плотно прижимали словно впечатанный в их животы сверток из байкового одеяла. Турунов и Степняков осторожно подхватили увесистую, килограммов на сорок, ношу, перенесли ближе к речке, развернули и уставились на черную стальную капсулу с помятым стабилизатором. На корпусе неразборчиво проступали непонятные готические буквы.

– Вот это штука! – то ли с восхищением, то ли с осуждением сказал Степняков и подумал, что рыбалку и впрямь еще можно спасти. – Дальше-то что делать будем?

Вариантов получалось как бы два. Один – это кинуть бомбу с берега, что, учитывая ее вес, было, конечно, не просто. Второй – использовать наполовину вытянутую на берег небольшую лодку-плоскодонку, хозяином которой как раз и был Петя. Но тут брало сомнение: удастся ли до взрыва отгрести на берег, пусть и близкий.

– А че такого, – доказывал дядя Миша, – шнур три минуты горит, за это время туда и обратно сплавать можно. Сбултыхнем на середине – и с богом!

– Три минуты? – Турунов взял в руки последний отрезок бикфордова шнура, как и в первом случае сантиметров в тридцать, и пояснил:

– Скорость сгорания – один сантиметр в секунду. Значит, рванет через полминуты. Куда тут, к черту, грести?

– Да в воде-то, небось, гореть помедленней будет, – не сдавался дядя Миша.

– Тут ты прав, – поддержал Турунова изрядно протрезвевший после поездки Граков, показал на участок пообрывистей и предложил:

– Отсюда бросим!

Турунов вернулся к бомбе и на миг остолбенел. Петя пристроился над бомбой, зажав ее между коленями и налегая плечом на рукоятку ручной дрели. Сверло упорно соскальзывало с круглой поверхности, но Петя не сдавался.

– Т-ты, ты что?!

– Да я дырочку просверлю, будет куда шнур вставить, невозмутимо ответил Петя, продолжая работу. Сверло царапало корпус, искрило.

– Прекрати немедленно!

Турунов с трудом оттащил Петю от бомбы и вытер вспотевший лоб. Ох уж эта деревенщина! Припомнив навыки саперной работы двадцатилетней давности, он взялся за бомбу сам. Когда минут через пятнадцать работа была закончена, от хмеля, похоже, не осталось и следа.

Подняв снаряженную бомбу на руки, Турунов вместе с Граковым подошли к намеченному месту у обрыва и опустили ее на берег. Турунов достал зажигалку и огляделся. Остальная компания столпилась всего в двух метрах, у самой воды. Во всем этом была какая-то неправильность.

– Э, нет, мужики, – сказал он, – так не пойдет. Спрячьтесь где-нибудь. А то ж, не ровен час...

Наконец он поднес зажигалку к свободному концу бикфордова шнура, и огонек, слегка зашипев, побежал по дорожке к бомбе. Подхватив ее туловище с двух сторон, они с Граковым дважды качнули бомбу и изо всех сил метнули в речку. Пролетев метра три, она бултыхнулась в воду, подняла фонтан брызг, и Турунов, вдруг истошно заорав «Ложись!», рванул за руку Гракова, отбежал на несколько шагов и, прикрыв голову руками, упал за ствол толстой березы. Но ничего не происходило.

Подумав, что бомба вновь, как и полсотни лет назад, не сработала, он поднял голову и в тот же миг увидел, как над речкой прямо вверх, к самому небу взмывает огромный водяной смерч. Словно могучий гром пророкотал на небе, и тугая волна ударила по ушам. Вслед за смерчем зеленым облаком взлетели сорванные с деревьев листья. С гулким шумом, ухнув, обрушилось рядом что-то тяжелое, накрыв Турунова зеленой пеленой.

Когда он, царапаясь об острые сучки, выбрался из-под кучи облепивших его ветвей, вновь мирно светило солнце. Вокруг было пусто и ни один звук не нарушал мертвящую тишину. Сердце Турунова наполнилось ужасом. С мгновенным прозрением он понял, что жизнь его уже никогда больше не будет такой, как прежде. Его, как человека с явно выраженными восточными чертами лица, и без того за три-четыре последних года добрый десяток раз укладывали на асфальт или прижимали к стене с поднятыми руками доблестные московские милиционеры, или ОМОН, или камуфляжные формирования с малопонятными названиями, подолгу изучали документы, перепроверяли и втихомолку, а иногда и не очень, выражали изумление по поводу того, что узкоглазым еще доверяют такие ответственные посты в уважаемой газете. Легко предположить, что будет, когда выяснится, что из всей компании остался один он, бывший сапер... И мысль эта пришла к Турунову даже раньше, чем чувство скорби по старинному другу Сергею Степнякову, блестящему журналисту Симову, по всем остальным, так нелепо оказавшимся вместе в ненужном месте и в ненужное время.

Ему остро захотелось выпить. Он повернулся к столику, но его даже не было видно, не говоря уже о стоявшей на нем посуде. BMW, повернутый к реке носом, устоял, а огромный «мерс» опрокинуло на бок. В остальном пейзаж был вполне мирным, и Турунов услышал, как где-то позади запела, зачирикала что-то привычное первая птица. Он повернулся на ее зов и заметил, как зашевелилась густо осыпанная листьями земля, вздыбилась резко и, отряхивая прилипший сор, на свет божий явился закадычный друг Степняков.

На призыв первой птахи откликнулись две другие. И тотчас, в унисон с ними, из-за ближних берез показались Граков, левую щеку которого пересекала длинная царапина, и его родственник, дядя Миша. Пропела свое «ку-ку» кукушка, и к компании присоединился потрясенно улыбающийся Симов. Он смотрел на Турунова, но куда-то вбок, мимо левого плеча. Не было только Пети, владельца бомбы. Но, кроме Турунова, никто пока не обратил на это внимания, и вся компания вслед за Граковым рванулась к воде.

Речка изменилась. Водяной столб, взметнувшись, осел широким радиусом, и теперь вода мутными ручейками сбегала с отлогого берега обратно. По поверхности кружили обломанные ветки, листья. Вода перемешалась с медленно оседающим илом, и речка больше напоминала сточную канаву. По поверхности плыли несколько целлофановых пакетов, невесть откуда взявшаяся бутылка из-под шампанского.

– А рыба, рыба-то куда делась? – возбуждение Гракова еще не прошло, и он пока не замечал ни царапины, ни случившегося с его машиной.

– Да ее и не было тут, – неожиданно для всех сказал Симов.

– То есть как это?

Граков уставился на главного редактора так, словно это он был виновником всех, пока еще не проясненных бед. И Симов, усугубляя ситуацию, виновато улыбнулся:

– Да так. Я в воде час пролежал – ни одна мимо не проплыла.

– Точно! – вспомнил вдруг дядя Миша. – Нету тут рыбы. Раньше была, а как в верховьях спиртозавод поставили – все, писец ей пришел. Да я ж, Витек, писал тебе про то, еще в прошлом году. Думал, ты начальник большой, порядок наведешь.

– Писал, говоришь? А Петя? Петя где? – побледнев от нехорошего предчувствия, Граков повернулся и увидел свой автомобиль. Откуда-то сбоку, перекидывая что-то с руки на руку, шел Петя. Турунов облегченно вздохнул. Петя поднял ладонь, показал лежащий на ней кусок зазубренного металла и сказал:

– Горячий еще. Вот это рвануло, блин, а?

Турунов подумал, что Граков сейчас ударит неказистого мужичка и шагнул вперед, чтобы оттеснить Петю от греха подальше, но вдруг понял, что не хватает еще чего-то. Ощутили это и другие. Не все звуки вернулись к жизни.

Мужики повернулись в сторону покоса и увидели, что бабы-косари стоят, застыв, как грубо вытесанные из большого камня статуи, и смотрят в их сторону. Но не на них, а выше, вверх, в безоблачное небо, так внезапно прокатившееся громом и порывом ветра, взметнувшим только что скошенную траву. Ничего, однако, больше не происходило. И бабы-статуи, словно повинувшись единой, неслышной отсюда команде, ожили. Медленно повернулись к мужикам в профиль. Взмахнули косами. И природа наполнилась привычным.

Вжик-вжик.

Морской гормон

Задница

По старинному поверью, женщина на корабле приносит несчастье. Правда, к членам экипажа это не относится. На морском буксире «Стремительный» женщин было две. Но мы, несмотря на самые веселые настроения, воспринимали их исключительно как товарищей по работе. Нам, трем курсантам, проходящим первую штурманскую практику, не было еще и двадцати. Поварихе же Яне стукнуло сорок, а тридцатидвухлетняя буфетчица Алла, веселая рыжеволосая одесситка, была женой второго штурмана Дзюбы. На любом другом флоте родство в экипаже не допускалось, но в Заполярье были свои порядки. К тому же, как и все остальные на Крайнем Севере, каждый из нас работал на полторы ставки, минимальный рабочий день длился по двенадцать часов. Как говорится, не до женщин. Поэтому все остальное произошло из-за боцмана.

Мы называли его по отчеству – Иваныч. Боцман был невысок, коренаст и выглядел заметно старше своих двадцати восьми лет. Два года он проучился в мореходном училище, пока трезво не оценил, что командирами могут быть не все, кому-то и работать надо. Особенно с такой нечеловеческой силой, как у него. Если он не спал или не ел, то работал. На этот раз мы всей палубной командой красили фальшборта. Саша Никифоров по прозвищу Гидрофор, которое он получил отчасти из-за созвучия с фамилией, но больше благодаря постоянной и неистребимой жажде, покрасил очередную секцию и присел отдохнуть на бухту швартового каната. Устраиваясь поудобней, Гидрофор сдвинул канат и соскользнул в центр бухты до подмышек. «Эй, – закричал он, – помогите кто-нибудь выбраться!» Саша беспомощно дергал в воздухе руками и ногами. Зрелище было забавным, и мы не спешили его прерывать. Первым возле него оказался боцман. Ухватив Гидрофора за шкирку, он одной рукой выдернул его из ловушки и поставил на ноги.

– Хорош моряк! – сказал он. – Прямо как повариха наша.

– Яна, что ли? – спросил я.

– Да нет, это до нее еще было. Ту Катей звали.

– А было-то что? Тоже в бухту провалилась? – предвкушая незапланированную передышку, мы дружно обступили боцмана. Он потыкал кистью в банку с краской, но кисть поднялась сухой, и это значило, что все равно придется открывать очередную емкость с густо-тертой краской, перерыва в работе не избежать, и с сожалением вздохнул:

– Если бы... Там посерьезней вышло. А хорошая такая баба была, веселая, вот с такой задницей!

Иваныч задумчиво склонил голову набок, словно воссоздавая в мыслях ускользающий образ, широко развел руки и нарисовал в воздухе две волнообразные линии, выражающие, почему-то подумалось мне, его идеал женской красоты.

– Ну! – попытался подтолкнуть я, опасаясь, что на этом все и закончится.

– А ты не запрягал, не нукай! В общем, захотелось ей ночью пописать. Спала она голой, одеваться, чтобы в гальюн выйти, было лень. Она и решила отлить в иллюминатор. Залезла на стол, высунулась, только начала, а тут судно качнуло. Она задом наружу плюх! Туда протолкнулась, а назад ни в какую, как Саня сейчас. Сидит себе и на помощь позвать боится. Представляете, в таком виде на людях показаться! По борту то волной плеснет, то ветерком подует, а Катя терпит. Знала, что скоро в порт должны зайти. И у нее расчет был, что на швартовке судно к причалу прижмется, и ее обратно в каюту протолкнет. Да не повезло. Кюта ее на левом борту была, а мы правым пришвартовались. Вот тут уж она не выдер-

жала! Стала кричать, а я как раз мимо по коридору проходил. Ну, зашел, вижу: голова, руки, сиськи, ноги – все в один комок сжато, как у краба-отшельника в раковине. Попытался вытащить за руки – никак! Застряла, как пробка в бутылке. «Иваныч, – говорит она мне, – ты уж, миленький, сделай все сам, чтобы никто не знал». Пришлось спустить под ее иллюминатор беседку, вроде как борт красить, забрался я на нее, на беседку, то есть, и потихонечку, чтобы не повредить, протолкнул поварихину попу обратно. Зрелище было!

– А дальше-то что? – не выдержал Гидрофор.

– А что дальше? – боцман задумчиво разгладил густые черные усы. – Больше она с нами в море не пошла. Говорят, совсем с флота списалась. А жаль.

– Точно не Яна?

– Сказал же – нет, – боцман, похоже, уже жалел, что вообще затронул эту тему. – Хватит сачка давить. Работаешь – работай. Беритесь за кисти.

Боцман ушел за новой краской. Но гормон нашего воображения уже был посеян.

– Слушай, а я ее, кажется, знаю, – сказал мне Гидрофор.

– Кого? – не сразу понял я. После рассказа боцмана прошло две недели. Позади остался первый рейс по реке Лена в далекий Жиганск. «Стремительный» был пришвартован кормой к причалу в порту Тикси. Мы сидели в каюте и пили белое полусладкое вино, раздобытое по случаю, практически за бесценок, с соседнего парохода. Вином был забит целый трюм, и вахтенный матрос в отсутствие начальства распродал его по пять рублей за ящик.

– Да эту, повариху, про которую боцман рассказывал. Я как раз у трапа был, когда боцман на грузовике подъехал. Он сам в кузове сидел, а когда вылез, вывел из кабины молодую бабенку, кругленькую, вот с такой задницей, и в свою каюту отвел. Наверное, как задницу в иллюминатор протолкнул, так от нее оторваться и не может. Да и я бы тоже...

– Чушь, – отрезал я. – Обычная морская байка, вроде той, как новички напильником якоря затачивают. Сам посуди. Мы же не в тропиках. Попробуй, посиди с голой задницей в иллюминаторе, тебе через полчаса уже и запикивать назад ничего не надо будет, сама отвалится.

С последним аргументом спорить было трудно. В начале июля термометр показывал плюс три по Цельсию, по бухте плавали льдины, на небе висело не заходящее на ночь за горизонт, но и почти не греющее заполярное солнце.

Гидрофор задумчиво допил стакан.

– В Жиганске до тридцати градусов доходило, купались даже. Там зад не то что не отвалился бы – еще и загорел. Точно она.

Мы открыли новую бутылку.

– Да такая, как ты показал, все равно в иллюминатор не пролезет! – убежденно сказал я.

– Почему не пролезет? Пролезет!

– Да ты трезво посмотри. У него диаметр какой?

Для убедительности я встал, открыл барашки иллюминатора и распахнул его настежь, впуская в каюту поток свежего воздуха.

– А я что, по-твоему, по-пьяному смотрю? Может, с этого компота? – завелся Гидрофор, презрительно кивнув на сладкое, почти не пьянящее вино. Он встал с места и выглянул за борт. – Видишь, голова проходит спокойно. Значит, и весь человек пролезет. Иллюминаторы специально такого размера делают, на случай пожара.

– Сложенная задница – не голова.

– Конечно, ей думать не надо! Высунул наружу – и вперед! Да я сам элементарно! Смотри!

Гидрофор сдвинул бутылку в сторону, залез на стол, выпятил тощий зад в иллюминатор и для убедительности подергал им из стороны в сторону.

– Все, что хочешь, можно сделать! Без проблем! Не соврал Иваныч. Точно сейчас к заднице прилип, не оторвешь.

– Может, ты и прав, – согласился я и протянул Гидрофору руку, чтобы помочь выбраться обратно. В этот момент по корпусу «Стремительного» что-то сильно ударило, буксир закачался.

– Что это было?

– Не знаю. Вылезай скорей, – сказал я, глядя в расширившиеся зрачки Гидрофора. Я едва успел ощутить прикосновение его ладони, когда он внезапно, под воздействием какой-то внешней, неодолимой силы вылетел из иллюминатора мне навстречу, и мы оба оказались на полу. Я внизу, Гидрофор на мне.

– Эй, вы что, напились и деретесь? Между прочим, твоя вахта началась!

Я с трудом спихнул с себя Гидрофора, поднялся и сел на койку. В дверях стоял наш сокурсник Имант Сармулис. Гидрофор поднимался медленно, словно в ступоре, с все так же расширенными зрачками.

– Что это было? Кто меня толкнул сзади? – спросил он, и я только теперь заметил, что в каюте заметно потемнело. Вплотную к иллюминатору был прижат черный корпус чужого корабля.

– Да это «Мощный» к нам пришвартовался, – объяснил Имант. – Долбанули нас так, что метра полтора привального бруса выдрали, гады. В общем, принимай вахту.

Свой

По приходу в Тикси все начальство мгновенно перемещалось в свои жилища на тверди земной, а буксир оставался под наш присмотр. Посмотрев на Гидрофора, Иманта, как закоренелый трезвенник, определил, что вывести из ментального столбняка нашего товарища сможет только прогулка в город. Ребята быстро натянули высокие прорезиненные сапоги, без которых перемещаться по раскисшим улицам Тикси было невозможно, и ушли. А мне досталось скучнейшее из всех морских занятий – нести шестичасовую стояночную вахту.

Три недели подряд мы работали как одержимые, и теперь «Стремительный» сверкал свежей краской, словно только что сошел со стапелей верфи. Буксир был пришвартован по всем правилам морского искусства: обращенный к открытой бухте нос удерживали два якоря, корму накрепко притягивали к причалу продольные шпринги. Никто другой такими сложностями себя не утруждал, но штурман Дзюба, как руководитель нашей практики, настоял на показательной швартовке. С кормы на причал вел трап с натянутой под ним страховочной сетью. Диссонансом в достойной кисти Айвазовского картине было только одно – притертый к нашему правому борту «Мощный». По его внешнему виду проще всего было предположить, что он прямым ходом прибыл с кладбища кораблей. Корпус «Мощного» пестрел пятнами застаревшей ржавчины, когда-то белая надстройка приобрела мрачно-серый, с черными протеканиями цвет, палубу покрывал толстый слой угольной пыли. В отличие от наших дизелей, на «Мощном» была одна из немногих уцелевших к тому времени на флоте паровых машин с настоящими кочегарами и ручной угольной топкой. В Северо-Восточном управлении он считался чем-то вроде исправительной колонии, последним прибежищем для провинившихся моряков. Удерживался буксир единственным, небрежно наброшенным на наш кнехт канатом.

– А это еще что за явление природы? – услышал я голос боцмана. Иваныч стоял в домашних шлепанцах, без носков, в старых тренировочных штанах и в распирающей мощную грудь тельняшке, волосы на голове сбились во влажные космы, от открытых частей тела исходил легкий пар, словно боцман только что выбрался из парилки. Только пар этот не отдавал банной свежестью.

– Да вот, швартанулись к нам, – повторил я рассказ своего предшественника по вахте, Иманта. – Кусок привального бруса вырвали, гады.

– Понятно... – шея Иваныча начала краснеть. – А начальство их где?

– Да кто их знает. На палубе никого не видно. Как пришвартовались, так народ сразу на берег рванул.

– Ах, рванул... Ну, сукины дети, они у меня попляшут! – Иваныч подошел к кнехту и одним движением скинул петлю швартова. – И больше не буди меня по пустякам!

– Да я вроде и не...

– Работаешь – работай! Вон, палуба затоптана, – заключил боцман и ушел.

Я подбежал к скинутому канату и попытался водрузить его на место, но «Мощный» уже сдвинулся метра на полтора, и сделать это оказалось невозможно. Затем корпус буксира переместился еще, канат вырвался из моих рук и упал в воду.

– Эй, на «Мощном»! – изо всех сил заорал я, но на палубе никто не появился. Больше я кричать не стал – чтобы не сердить боцмана. Или не отвлекать. Убежденность Гидрофора начинала уже действовать и на меня.

«Мощный» медленно относил от причала в сторону моря.

Я поднялся в штурманскую рубку, отыскал мегафон, прошел на нос «Стремительного», подальше от боцманской каюты, и еще раз попытался вызвать вахтенного на «Мощном», который был теперь от нас метрах в двадцати, но все так же безуспешно. Как следует посту-

пить в такой ситуации, я не знал, а по какой-то изощренной особенности моего организма момент нерешительности вызывал у меня острое чувство голода. Причем организм точно подсказывал, чем именно следует его заглушить. Последовать его указанию было легко: судовая артелка со всеми ее запасами съестного находилась в моем заведовании.

Я взял в холодильнике сырое яйцо, спустился в каюту, налил в поллитровую стеклянную банку воду и включил самодельный кипятыльник, сооруженный из лезвия бритвы «Нева» и двух проволочек. Вода закипела, я подлил в кипяток уксусной эссенции, чтобы скорлупа не лопнула от контраста температур, опустил яйцо и засек время. Дверь моей каюты была распахнута. Три минуты спустя в коридоре раздались шаги. Выглянув наружу, я увидел моториста Курочкина, тоже курсанта нашей мореходки, но с механического отделения и курсом постарше. Он обладал довольно крупным телосложением и удивительно застенчивым характером.

– Извини, если помешал, – сказал он, – у нас как, все по-прежнему?

– Вроде бы... А что?

– Да так. Просто подумал, что, может, пополнение в экипаже, кого-нибудь нового прислали.

– Никого не присылали. А ты о чем, собственно?

– Нет-нет, ничего. Просто я из города сейчас вернулся, зашел к себе в каюту, а там на моей койке спит кто-то незнакомый. Вот и подумал...

Кабюта Курочкина располагалась с другого борта, и в ней висел устойчивый запах застарелого перегара. На койке, не сняв начищенных туфель на тонкой подошве, лежал давно небритый парень в потертой курсантской шинели без двух с корнем отодранных пуговиц и слегка похрапывал.

– Эй! – я потряс его за плечо, затем переместил в сидячее положение и потряс еще, пока он не открыл глаза. – Ты кто?

– Ам-м... Ик. Ш-ш... Вот! – заключил он. И вновь закрыл глаза.

Я попытался включить метод дедукции. Лицо парня не выглядело знакомым, особенно с учетом довольно приметной, в виде большой запятой, родинки на левой щеке. На практику в Тикси нас отправляли в конце мая, когда формой одежды становится бушлат, а шинели надежно покоятся в баталерке до следующего сезона. Стало быть, на курсанта из нашей мореходки он не тянул. Кроме того, народ месил полуметровую городскую грязь исключительно в сапогах. Чистые туфли были абсолютным нонсенсом. Но эту, не находящую объяснения деталь, я отбросил.

– Ясно. Алкаш приبلудный. Вставай!

Парень не двигался.

Мы с Курочкиным подхватили его под мышки и вытащили на палубу, а затем и на причал, усадили на потемневший от времени брус. И еще раз попытались разговорить незнакомца. Парень сидел с открытыми, глядящими в никуда глазами и на слова не реагировал. Курочкин отозвал меня в сторону.

– Слушай, нельзя оставлять его так. Он же невменяемый. Часа не протянет, замерзнет. Может, вырезвитель вызвать?

– Да откуда здесь вырезвитель? А если и есть, ему потом такую характеристику вкатыят! Но в тепло его надо, это верно. Только куда?

Стационарный пирс выдвигался перпендикулярно берегу в глубь обширной Тиксинской бухты. С обеих сторон были пришвартованы буксиры, лихтеры и транспортные парходы. Ближе всех стоял «Новокузнецк», с которого шла подпольная торговля белым вином. Вахтенный у трапа отсутствовал. Мы с Курочкиным переглянулись и подхватили парня под руки.

Когда мы с гордым чувством хорошо выполненного гражданского долга вернулись на «Стремительный», Курочкин сказал, что ему надо поковыряться с генератором в машинном отделении, и ушел. Есть захотелось еще больше. Я вспомнил о вареном яйце всмятку и кинулся в каюту. В коридоре стоял запах гари. Из дверей валил дым. Я влетел внутрь, выдернул провода из розетки и распахнул иллюминатор. Вода в банке выкипела, яйцо треснуло, втянуло в себя лезвие и из-под потемневшей скорлупы лезло наружу шипящими черными пузырями. Из иллюминатора, теперь метрах в двухстах, был виден «Мощный». Я поднялся в штурманскую рубку, включил радиотелефон, после долгих попыток связался с диспетчером порта и постарался объяснить, что по бухте по направлению к морю дрейфует бесхозное судно.

– Да и хрен с ним! – сказал диспетчер. – Откуда ты все это знаешь?

– Говорю же, видел, как швартовый конец с кнехта свалился в воду. Я пытался им кричать, никто не реагирует. Команда на берегу, а вахтенный спит, наверное, ничего не видит.

– Проснется – увидит, – успокоил диспетчер. Ему явно не хотелось ввязываться в нештатную ситуацию.

– А если на камни к тому времени вынесет? И разборка полетов пойдет?

– Во, блин, свалился ты намою голову, – подсадовал диспетчер. – Не мог позже на связь выйти, самаритянин хренов. У меня смена через полчаса кончается. Ладно, сейчас пошлю грузовик в Тошниловку, чтобы команду собрали. И катер выделю. Отбой.

Отыскать нужного человека в Тикси, несмотря на его двадцатитысячное в период навигации население, было несложно. Город состоял из двух поселков, разделенных пустынной дорогой, огибающей берег залива. Северный поселок, Тикси 2, рядом с аэропортом считался «режимным», в нем обитали лишь авиаторы и пограничники, рейсовый автобус ходил два раза в сутки. «Южане», состоящие из моряков и грузчиков-сезонников, без особой нужды в него не совались. Да и зачем? Единственное в Тикси питейное заведение без вывески, но с народным названием Тошниловка, в которой подавали вонючее местное пойло, разливая его в стеклянные банки с покореженными краями, стояло в центре города, возле сквера с памятником. Вытянутая рука бронзового истукана в пролетарской кепке, добродушно щурящегося, указывала на вход в винно-водочный магазин. К фронтому расположенного за памятником дома, видимо, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в точности избранного курса, был прикреплен большой щит с надписью: «Правильной дорогой идете, товарищи. В. И. Ленин». Тошниловка располагалась с задней стороны магазина. Так что в успехе поисков экипажа с «Мощного» можно было не сомневаться.

Я отключил рацию и спустился в каюту.

Запах гари еще не выветрился. Чувство голода тоже. Я достал новое яйцо, пожертвовал для кипятильника еще одним лезвием и засекаю время. По трапу загрохотали чьи-то торопливые шаги. Я выглянул в коридор и увидел Курочкина.

– Человек за бортом! – растерянно сказал он.

В одно мгновение мы с мотористом вылетели на кормовую палубу и перегнулись через фальшборт. Под нами на приبلудившейся льдине лежал человек. В потертой курсантской шинели и туфлях на тонкой подошве. Человек пошевелился.

– Опять этот алкаш гребаный! Под трапом же сетка страховочная!

– Наверное, из сетки выбираться стал и уже тогда дальше громыхнул, – предположил Курочкин. – Как вытаскивать-то его? Может, тревогу объявить?

– Так ведь никого нет, – быстро среагировал я, прикинув, что лишние разборки мне, вахтенному у трапа, с которого свалился человек, совсем ни к чему. – Сами вытащим.

Мы опустили с борта веревочный штурмтрап, я выбрал в кладовой моток тонкого сизальского троса, спустился к льдине и обвязал алкаша под мышками беседочным узлом. Парень весил немного – несколько секунд спустя мы совместными усилиями вытащили его

на причал и усадили на привычный уже для него брус. Я похлопал утопленника по щекам, он открыл глаза и вновь уставился на нас пустым, ничего не выражающим взглядом.

– Как звать-то тебя хотя бы, – спросил я, чувствуя, что начинаю к нему привыкать.

Парень подергал родинкой-запятой:

– М-м-м...

– Понятно. А документы-то есть?

Я поискал в карманах шинели, выудил хорошо потертый курсантский билет Рижского мореходного училища. Фотография в билете отсутствовала, часть текста под воздействием влаги расплылась и стала почти не читаемой. Странно, как с таким документом его владельцу удавалось перемещаться по, как ни крути, но все же пограничному городу, а вдобавок еще попадать в порт. Я удовлетворенно кивнул:

– Ясно, наш. Федор. То есть бывший наш. Срок годности окончился год назад, отчислили, наверное. Похоже, так и остался здесь с прошлогодней практики. Да еще спился совсем, исхудал, вон шинель как висит. Что же с тобой делать, Федя?

– Может, пока обратно к нам завести, черт с ним, пусть проспится? – предложил Курочкин.

– И как мне это потом объяснять капитану? Мы с этим Федей уже сколько возимся, а он никакой. И отход у нас через три часа намечен, скоро народ возвращаться начнет. Давай еще куда-нибудь его пристроим.

– Куда? Пристраивали уже... Да его все равно через полчаса обнаружат и обратно вытащат, а он опять к нам нацелится, что тогда?

– А если не вытащат?

– Конечно, вытащат! Чего ради им с ним возиться?

И тут меня осенило.

– Чего ради? Да ты же гений! – сказал я Курочкину. – Последи за ним минутку, я сейчас!

Я кинулся обратно на «Стремительный». Вода в банке выкипела вновь, из скорлупы лезли черные пузыри. Я выдернул проволочки из розетки, выкинул все сооружение вместе с банкой за борт и с сомнением посмотрел на наш запас из двух последних бутылок белого вина. Для моих целей требовалось что-то более убедительное.

На причале я еще раз внимательно оглядел пирс и ближайшую акваторию. «Мощный» отнесло еще дальше в глубь бухты по направлению к острову Бруснева. У трапа «Новокузнецка» стоял вахтенный и старательно делал вид, что не смотрит в нашу сторону. С другой стороны пирса был пришвартован большой несамоходный лихтер «Амбарчик». Лихтеров в Северо-Восточном управлении было ровно в два раза больше, чем буксиров. Подразумевалось, что пока один лихтер разгружается, буксир спокойно перетаскивает в нужное место другой и возвращается к концу выгрузки. Сейчас «Амбарчик» ожидал очередной буксировки, но на его палубе было пусто.

– Туда! – показал я на лихтер. Курочкин с сомнением покачал головой, но спорить не стал. Мы подняли Федора, и он почти самостоятельно начал переставлять ноги в нужном направлении. На «Амбарчике» проходили практику двое наших сокурсников, и наше вторжение объяснить можно было довольно просто. Впрочем, давать объяснения было некому. Мы спокойно вошли в надстройку и оказались в большом, обитом деревом квадратном помещении, напоминающем деревенскую избу. Посреди комнаты стояли стол и несколько стульев. Две двери на дальней стене вели в глубь надстройки. Мы усадили Федю на придвинутый к столу стул, я достал из кармана прихваченную из личных запасов поллитровую бутылку питьевого спирта, купленную изначально как экзотический сувенир с Севера, и стакан, сколупнул крышку с бутылки. В воздухе остро запахло спиртным. Федя вздрогнул, с невероятной скоростью, как лягушка за комаром, выкинул вперед правую клешню и цепко ухватил бутылку.

– Эй, это не для тебя, – негромко, чтобы не поднять шума, предупредил я и попытался разжать Федину руку, но проще было разделить сиамских близнецов – рука словно срослась со стеклом. За одной из дверей слышались звуки, и мы с Курочкиным рванули к выходу.

Вновь у трапа «Стремительного» мы оказались ровно в тот момент, когда на пирс въехал грузовик с кузовом, заполненным беглой командой «Мощного». К причалу подошел лоцманский катер, и хмурый, довольно еще трезвый экипаж отправился на отлов своего «летучего голландца». Минут десять я честно наблюдал за происходящим, но желудок вновь настоятельно напомнил о себе. Я взялся за сооружение нового кипятильника. В коридоре прозвучали шаги. Одолеваемый тяжелым предчувствием, я выглянул в дверь и опять увидел Курочкина.

– Опять за борт упал?

– За борт? Да нет, нет, – замахал руками Курочкин. Типун тебе на язык. Извини, но просто чайку попить захотелось. А ты, говорят, большой спец по части кипятильников?

Якорь

Шторм был несильный, баллов на шесть-семь, но «Стремительный» заметно качало. Небо плотно затягивали тяжелые облака, было по-вечернему сумрачно, и мы шли с включенными ходовыми огнями. Для большей устойчивости я расклинился на ходовом мостике между задней переборкой и рулевой колонкой, опираясь руками на вертикальный костыль гидравлического руля. Несмотря на качку, удерживать курс было несложно. Дополнительную устойчивость придавал километровой длины буксирный трос за кормой. К тросу был прицеплен лихтер «Амбарчик».

Картушка компаса побежала вправо, я привычно прижал костыль, и стрелка положения руля на циферблате переместилась, но курс не восстанавливался, а корпус «Стремительного» судорожно завибрировал.

– Что такое, что такое? – капитан Приходько, крупный и рыхлый мужчина лет сорока пяти, встревоженно повернулся ко мне. Я пожал плечами.

– Не знаю. Руль перестал слушаться.

По корпусу прошла новая волна вибрации. Противно заскрежетал телефон связи с машинным отделением. Капитан схватил трубку.

– Что там еще у вас? Что значит, левая машина встала? Так чините быстрее! Каких еще два часа!

Приходько в сердцах бросил трубку.

– Маслопупы долбаные. Два часа им надо! На стоянке пропьянствовали, а теперь трудовой героизм проявляют! А что у нас всего две мили до полутораметровой банки и ветер в ту сторону – им наплевать.

– А одна машина не вытянет? – осторожно спросил я.

– Нас одних вытянет. А с лихтером – разве что на месте удержит. На якорь становиться надо.

Капитан подошел к радиотелефону и нажал кнопку вызова.

– «Амбарчик», «Амбарчик», я «Стремительный», срочно выйдите на связь. Прием.

Некоторое время мы вслушивались в потрескивающий эфир, затем капитан повторил вызов.

– Электричество экономят, – предположил он. – Попробую прожектором посигналить.

Он распахнул дверь на крыло, расчехлил прожектор, включил его и, поиграв светом, нацелил мощный луч точно в окна рулевой рубки «Амбарчика». Вернувшись в рубку, он еще раз попробовал радиотелефон. «Амбарчик» не отвечал. Капитан понаблюдал в локатор за чертой далекого берега и с удовлетворением отметил, что мы, хотя и медленно, но все же продвигаемся вперед на одной машине. И в этот момент корпус буксира вновь задергался, словно в эпилептическом припадке, а еще через несколько секунд наступила тишина. На этот раз полная. Если не считать свиста ветра и плеска волн. Одновременно на «Стремительном» исчезло электричество. Секунду спустя тусклым светом засветились лампы аварийного освещения. В полной тишине по трапу прогрохотали торопливые шаги, и на мостик вбежал штурман Дзюба.

В прошлой, дозаполярной, жизни Дзюба был капитаном китобойного судна, по восемь месяцев подряд проводил в море, штурманское дело знал в совершенстве. На Север, по словам его супруги и нашей буфетчицы Аллы, он попал за то, что начистил физиономию помощнику по политической части, начистил по делу, но при разборке у начальства не сдержался и откровенно высказался о партийной работе на флоте вообще. Капитан, бывший речник, в присутствии Дзюбы явно тушевался.

– Вот так, вот так, доплавались! – сказал он при виде штурмана. – Сначала одна машина встала, стармех два часа на ремонт потребовал, а теперь – все! Все! Полный ноль. Даже света нет.

Дзюба склонился над картой.

– Гнилое место.

– Да, да, да, я и говорю! Максимум полтора часа у нас есть. Один выход – встать на якорь. Да вот как с «Амбарчиком» быть?

– А что с ним?

– Не отвечает! Нажрались, видно, даже вахтенного на мостик не выставили, и спят мертвым сном.

Капитан со штурманом вышли на крыло, и я, бросив бесполезный теперь руль, присоединился к ним. Масса «Амбарчика» с двумя тысячами тонн груза на борту превышала нашу в несколько раз, инерция движения все еще отодвигала нашу связку от скалистой банки, но сила ее воздействия на лихтер была намного мощней, и мы довольно быстро сближались.

– Нашим якорям обоим не выдержать, – согласился с капитаном Дзюба. – Если не разбудим, придется буксир рубить. Значит, на свет они не реагируют. А на звук?

– Да-да-да!

По указанию капитана я вернулся в рубку и до конца вдавил тугую кнопку горна.

– У-у-у-у... – мощный надсадный звук, вплетаясь в рев моря и ветра, понесся над водой. Через несколько секунд я отпустил кнопку, нажал вновь. Горн, чередуя длину сигнала, то тянул заунывную мелодию, то рассыпался стаккато. Капитан бил лучом прожектора в иллюминаторы «Амбарчика». Ответа не было.

Вскоре капитан остановил мои звуковые эскапады, от которых у всех присутствующих уже были заложены уши. Экипаж «Стремительного», за исключением машинной команды, собрался на шлюпочной палубе. До «Амбарчика» оставалось не более сотни метров, и мы отчетливо различали огромный по сравнению с нами корпус лихтера. Не вместившийся в трюмы груз для заполярных поселков в разнокалиберных деревянных ящиках был принаитован металлическими тросами к крышкам трюмов и к палубе.

– Кажется, навалимся прямо на него, – заметил Дзюба. – Надо бы кранцы приготовить.

– Да-да-да! – капитан повернулся к боцману и приказал палубной команде стоять с кранцами наготове.

– Может, я их разбужу, – предложил я, подумав, что в состоянии экипажа лихтера, возможно, есть и моя доля вины.

– Что ты сказал? – Дзюба повернулся ко мне. До «Амбарчика» оставалось пятьдесят метров.

– Что разбужу их там. Мы сейчас навалим на них, и я перепрыгну на лихтер. А там или разбужу вахтенного, или сам их якорь отдам.

– Нет-нет-нет! – услышал мое предложение и капитан. – Слишком рискованно. Море штормит, а если с курсантом что-нибудь случится... Нет, такого распоряжения я дать не могу.

– Если «Амбарчик» окажется на камнях, спрос будет не меньше, – заметил Дзюба.

– Не знаю, не знаю, не знаю...

– По правилам морской практики, буксируемый объект полностью на нашей ответственности.

– Но они же свои обязанности не выполняют! На наши сигналы не реагируют! Что мы можем сделать?

– А давайте так, – предложил я, – как будто я сам, если что, прыгнул, без распоряжения? И в судовой журнал ничего не пишете.

– Ну... – капитан неопределенно покрутил в воздухе рукой и отвернулся от меня.

До «Амбарчика» оставалось десять метров. Его борт в носовой части приходился почти вровень с нашей шлюпочной палубой. Я спустился по наружному трапу и отодвинул женщин. Боцман с Имантом и Еидрофором рассредоточились с кранцами вдоль борта. «Стремительный» приблизился еще, очередная волна подхватила буксир и кинула на корпус лихтера. Принимая удар, заскрежетал привальный брус. От края шлюпочной палубы до «Амбарчика» было не больше метра. И я просто перешагнул с борта на борт.

Сначала мне показалось, что качка прекратилась. Потом я понял, что это не так, просто на массивном, заполненном грузом лихтере она ощущалась значительно меньше. Мои пальцы судорожно сжимали стальной, покрытый наледью крепежный трос и уже ощущали его холод. Я оглянулся. От удара «Стремительный» отбросило на несколько метров, и теперь он медленно отходил от еще не потерявшего инерцию «Амбарчика» в сторону его кормы. Я посмотрел на полубак лихтера, заполненный механизмами мало понятного для меня назначения, и вспомнил, что самостоятельно отдавать якорь мне не приходилось ни разу в жизни, а когда эту операцию на «Стремительном» проделывал боцман, я каждый раз оказывался в лучшем случае за рулем на ходовом мостике и за всей процедурой наблюдал очень издали. До жилой надстройки, в свою очередь, было метров пятьдесят-шестьдесят, заполненных обледеневшими ящиками. Чуть подумав, я двинулся к надстройке. Чтобы пробежаться по ящикам на стоянке, наверное, не потребовалось бы и минуты. В море, в качку, под порывами шквалистого ветра дистанция выглядела бесконечной. Я пробежал два шага, поскользнулся, упал, оценил надежность четырех точек опоры и очередной ящик преодолел на четвереньках. Потом подумал, что за мной наверняка наблюдают с борта «Стремительного», выпрямился, чтобы через три секунды согнуться вновь. Наверное, так перемещаются под обстрелом. Когда я добрался до надстройки, моя спина была мокрой от пота, а пальцы задубели и почти потеряли чувствительность от холода. Я с трудом отодвинул задвижку наружной двери и вошел внутрь.

Со времени моего последнего визита здесь все так же пахло спиртным, табаком и потом. Чуть поскрипывали от качки туго принайтованные к полу стол и стулья в центре помещения. С легким постукиванием с борта на борт перекачивались две пустые бутылки из-под спирта. На гвозде висела до боли знакомая курсантская шинель без двух, с корнем выдранных пуговиц.

– Эй, есть кто живой?! – во весь голос позвал я.

В глубине помещений послышалось движение, одна из внутренних дверей распахнулась, и на пороге нарисовался коренастый рыжеволосый парень, Эдик Бабург, мой однокурсник.

– Чего кричишь? Людей разбудишь, – недовольно бросил он, ничуть, похоже, не удивляясь моему появлению на лихтере прямо посреди моря. – Чего надо-то?

– Ты, что ли, вахтенный? Якорь надо срочно отдать. Капитана разбуди. Или как у вас правильно, шкипера?

– Надо – отдадим. – Эдик лениво потянулся и поскреб себе затылок. – А на хрена?

– Да я же объясняю. У нас двигатель сломался. Сейчас нас на камни несет. Не отдадите якорь – мы буксир отрубим, и вас расколошматит к чертовой матери. Пошли быстрей!

– Как скажешь.

Эдик снял с гвоздя шинель, кое-как натянул ее на тугие плечи, и мы вышли наружу. Морозный ветер окончательно выбил у Бабурга остатки сна, и он легко, не сгибаясь, зашагал по ящикам так, что я едва поспевал за ним. На полубаке Эдик еще раз повернулся ко мне.

– Точно отдавать надо якорь?

– Я что, по-твоему, для своего удовольствия на ваше корыто посреди моря прыгал? Что за проблема – якорь отдать?

– Отдать можно. – Эдик повозился у якорной лебедки и взялся за ленточный стопор. – А назад потом как вытащить?

– Что значит – как?

– Да вот то и значит. Электричества у нас нет. Чтобы брашпиль заработал, надо дизель запускать. А механик в отрубе. Если что – утоплю! Следи за маркировками. Ну, с богом...

Эдик крутанул стопор, и стальная махина якоря рухнула в воду, увлекая за собой тяжелую цепь. На одном из звеньев мелькнула обмотка из белой проволоки, еще через несколько секунд вторая. На третьей я поднял ладонь вверх и вернулся к Эдику. Он уже плотно закручивал ленточный стопор. Шестидесяти метров якорной цепи, по моему разумению, для двадцатиметровой глубины было достаточно.

– А тебе не влетит, – спросил я, – что ты шкипера не разбудил?

– Легко сказать. Попробуй, разбуди! Он тоже в отрубе. Сутки уже. Как ушел к вам на «Стремительный» о буксировке договариваться, так и... Да еще и вернулся с бутылкой. Тут уже и остальных подкосило. А ты его там не видел?

– Это мордастого такого, с седыми усами?

– Да нет, – пояснил Эдик. – Наш без усов. Разве что небритый. И молодой еще, худой, родинка на щеке приметная.

– Нет, – сказал я, – такого не видел. А шинель у тебя откуда, мы же в бушлатах приехали?

– Да черт ее знает. С давних пор на лихтере. Кому наружу выскочить надо ненадолго, тот и надевает. Ладно, пошли в надстройку, пока не околели.

«Эй, на «Амбарчике»! – прозвучал за спиной усиленный мегафоном голос, и нас осветил луч мощного прожектора. Я обернулся и увидел сияющий яркими огнями «Стремительный». Буксир быстро и определенно под воздействием собственных двигателей приближался к лихтеру. – У нас все в порядке, можем идти дальше. Выбирайте якорь!»

«Стремительный» подошел вплотную, я подошел к борту и, не оглядываясь на Бабурга, легко перешагнул на шлюпочную палубу.

Плохие парни

«Амбарчик» мы оставили под разгрузку плоскодонными речными плашкоутами на внешнем рейде реки Яны и в устье Колымы вошли налегке. По пути двигатели еще дважды давали сбой, и механики потребовали спокойной, без качки, стоянки. Капитан привел «Стремительный» к причалу ссыльного поселка Михайловка. Ничего привлекательного на берегу не было. По склону полого сходящей к воде сопки расползлись несколько десятков некрашенных деревянных домов, или, скорее, барачков. Для пешеходов по поселку традиционно протянулись приподнятые над землей деревянные мостки. Транспорта не наблюдалось вообще – да и куда ездить на одном из многочисленных островов в дельте Колымы?

Самым значительным лицом Михайловки была, конечно, заведующая единственным местным магазином, и она первой, едва мы пришвартовались, нанесла нам официальный визит. Капитан встретил ее у трапа. Женщина трудно различимого из-за многочисленности одежд возраста опустила на палубу увесистый мешок с главной местной валютой – омулем холодного копчения и деловито спросила:

– Водка или спирт есть?

Увы, спиртного на «Стремительном» не нашлось. Единственную бутылку спирта я еще в Тикси оставил в каюте «Амбарчика», а две бутылки белого вина с «Новокузнецка» на Севере явно не котировались. От запаха омуля сосало под ложечкой. Натуральный обмен произвели на два ящика компота из персиков. Капитан галантно распорядился отнести ящики в магазин. С грузом отправили Гидрофора и Иманта. Некоторое время спустя я навел порядок в слегка потрепанной штормом артелке, вышел к трапу и увидел вернувшихся с задания ребят. Они отдувались, как после спринтерской дистанции.

– Что случилось? Не в ту юрту вошли? – спросил я.

– Наших бьют, а тебе все шуточки, – обиделся Имант. – Мы из магазина вышли, а тут два поддавших мордovorота. Попросите, говорят, у завмага водяры для нас, местным она не дает. Мы вернулись, попросили. А та нас на смех – у них с прошлого сезона пустота. Ну, мы парням объяснили вежливо, нет в магазине водки. А те, вы, мол, плохие парни, не уважили нас. И один за ворот меня схватил. Я рванулся. Результат сам видишь.

Результат был на лице. У Гидрофора под глазом красовался синяк. У Иманта из разбитой губы сочилась кровь, ворот ватника был наполовину оторван. Если уж даже самый рассудительный из нас Имант не сумел разрулить ситуацию миром... Неписанный кодекс курсантской чести оставлять такую ситуацию безнаказанной не позволял. В Риге схватки между курсантами мореходки и авиационного училища случались, как минимум, раз в месяц. По субботам любители танцев дрались с местной шпаной в городских клубах. Если силы противника оказывались превосходящими, курсанты наматывали на руки ремни с тяжелыми бляхами, становились в круг и отмахивались, пока нападавшие не разбежались из-за приближения милиции. Курсантам убежать не полагалось.

– Мордovorоты эти – и правда такие большие?

– Один с тебя, – признался Гидрофор, – но пошире. А второй на полголовы выше будет.

Я критически оглядел нашу ударную силу. Телосложением Имант и Гидрофор практически не различались, но миротворцы в данной ситуации были ни к чему. Расплывающийся под глазом Гидрофора фонарь казался более сильной мотивацией, чем оторванный воротник. На палубу вышел моторист Курочкин. Самый внушительный вид в нашей компании был у него.

– Имант, подмени меня на вахте, – попросил я Сармулиса. – А мы с Гидрофором пошли. Веня, ты с нами.

– Куда с вами? – удивился Курочкин. – Мне работать надо.

– Это ненадолго. Вопрос чести. Курсантской, – добавил я, хорошо зная, что Курочкин патологически не способен отказывать просьбам товарищей.

Долго искать противников не пришлось. Мы шагали по деревянным тротуарам мимо безликих барачков, главным украшением которых были развешанные на высоких шестах связки омулей. Где-то залаяла собака. «Мордвороты» вышли из покосившегося барака и, слегка покачиваясь, направились к нам. Эти, шепнул Гидрофор. Оба они, как и мы, были одеты в ватники и сапоги с высокими голенищами. Наши курсы пересеклись.

– Смотри, Петюня, – удивился высокий, – опять они здесь.

Я сделал шаг вперед.

– За что вы побили наших ребят?

– Он еще спрашивает?! Местное население уважать надо.

Высокий тоже ступил вперед и широко, по-деревенски, размахнулся. Я слегка присел, уклоняясь от тяжелого кулака, и легко, как на ринге, поймал его челюсть на встречном движении. Высокий кулем свалился у моих ног, а Петюня, неожиданно развернувшись, со всех ног кинулся наутек. Курсантская честь была спасена. Бить лежачих у нас было не принято. Мы не спеша, с подчеркнутым достоинством, зашагали назад. Ребята возбужденно комментировали мой удар, но сам я им не гордился. Для перворазрядника движение было не слишком чистым. Я оглянулся. Высокий уже встал и тоже куда-то побежал. В поселке захлопали двери. Что-то явно происходило. До «Стремительного» оставалось метров сто. Внезапно тишину со стороны буксира взорвал усиленный мегафоном капитанский голос:

«Команде срочно вернуться на борт! Судно отходит».

– Блин! – заволновался Курочкин. – У меня генератор недособран!

Мы прибавили шагу.

«Срочно бегом, быстро!» – опять загремел мегафон. Из трубы «Стремительного» повалил густой столб черного дыма. Мы побежали. Трап был убран, боцман придерживал последний швартовый конец. Мы запрыгнули на палубу, в ту же секунду на полную мощь взревели оба двигателя, и буксир без обычных осторожных маневров рванулся от причала. Иманта не было, очевидно, он стоял на руле. Курочкин помчался в машинное отделение. Все еще не понимая, чем вызвана такая спешка, мы с Гидрофором взялись складывать швартовы.

– Ложись! – заорал вдруг боцман. Мы застыли в недоумении, он прыгнул, загребая нас могучими руками, и упал вместе с нами на палубу.

– Да что... – возмущенно начал я, тщетно пытаясь выбраться из-под боцманских объятий, и вдруг совсем рядом услышал звонкие щелчки. В тот же миг стеклянным гейзером взорвался иллюминатор кормовой кладовки.

– Не двигаться! – приказал боцман, отползая от нас. – Стреляют, суки.

Я осторожно выглянул в отверстие клюза. Берег быстро отдалялся, но на причале было отчетливо видно группу людей, человек пять, с ружьями в руках. Трое целились в нас. Я спрятал голову, и мощный, ледового класса корпус буксира легко отразил новый залп свинца. Я выглянул опять и увидел, как двое других, с Петюней во главе, возятся на катере с подвесным лодочным мотором. Дым из нашей трубы повалил еще сильнее, и движение замедлилось. Опять полетел один движок, догадался я.

– Ну, что там?

Иваныч вновь оказался рядом, но теперь в руках его был двуствольный охотничий карабин.

– Моторку заводят.

– Плохо. Догонят в момент. Иллюминатор, сволочи, выбили. Ну, сейчас я им...

Боцман выставил дуло карабина в клюз. Над водой разнесся рев мощного движка. Моторка отошла от причала.

– Иваныч, ты что, убить же можешь...

– Спокойно, – отмахнулся он. И спустил курок. Потом второй.

Охота

– Ну, орлы, доигрались, доигрались! Теперь нам в Михайловку хода не будет, не будет. Хорошо, с мостика все ваши подвиги как на ладони видны были. А за иллюминатор вообще с вас высчитать надо! Надо, надо, надо!

Капитан возмущенно попыхтел в затухшую папиросу и в сердцах выбросил ее за борт. Мы, понурив головы, выстроились на ходовом мостике. Выстрел боцмана был точным. Мотор взорвался, оба «мордovorота» вылетели в воду. Оставшиеся стрелки кинулись спасать своих товарищей, и им стало не до нас. Увядающий движок «Стремительного» вывел нас из забитой островами дельты Колымы и кое-как тянул вдоль берега. В тундре появились первые признаки растительности. Низкий стланец постепенно переходил в карликовые березы и ели, высота которых увеличивалась по мере нашего продвижения к югу.

– Значит, так. Властям ничего сообщать не будем. Тем парням все равно терять нечего, а нам только лишние приключения на жо... на голову то есть. Чтобы к нашему возвращению ни одного следа от пуль не осталось! Все, свободны, свободны!

После выволочки мы уходили с легким сердцем. Раз не будет сообщения властям, не будет соответственно и нежелательных замечаний в характеристиках. Боцман раздал нам краску и кисти, а сам вытащил моток тонкого, миллиметра в два толщиной металлического троса, приладил к нему большую блестящую блесну с огромным, как на акулу, крючком, вытравил трос за борт и свободный конец закрепил на приваренной к фальшборту утке.

– Приглядывай за снастью, – велел он мне. – Идем медленно, может, кто клюнет. Тут такие рыбины водятся!

Гидрофор стоял на руле, а мы с Имантом взялись за работу. Время от времени я подходил к тросу, подтягивал его на метр или два, убеждался, что блесна не вызывает ни малейшего интереса у представителей местной фауны, и отпускал трос обратно. Мы отскребали краску вокруг пулевых отметин широкими заплатами и затем покрывали их быстро просыхающим грунтом из свинцового сурика, только теперь начиная понимать, что могло произойти, если бы боцман своевременно не завалил нас на палубу.

Я очередной раз потрогал трос с наживкой. Мне показалось, что на этот раз он ведет себя по-другому. Кажется, у нас появлялась возможность реабилитироваться. На руках у меня были надеты рабочие рукавицы. Я осторожно начал выборку снасти. Первый метр троса поддавался без особых усилий, но затем рыбина, ощутив, очевидно, мое вмешательство, рванула, и трос вернулся в прежнее состояние.

– Попалась! – закричал я. – Здоровенная! Имант, тащи опорный крюк, сейчас мы ее...

На поверхности воды рыбина пока не показывалась. Я потянул заново. Теперь трос не просто противостоял моим усилиям, а еще и пульсировал короткими и ритмичными рывками. На этот раз мне удалось выбрать почти полтора метра, но новый мощный рывок пустил все мои усилия насмарку. Наконец появился Имант с крючком.

– Делать-то что? – спросил он.

– Помоги. Слишком большая, зараза, одному не вытащить.

Мы потянули в четыре руки. Трос пошел легче, но после полутора метров рыба рванула так, что мы оба упали на палубу, а одна из моих рукавиц улетела за борт.

– Закреплять надо сразу, что вытащили. Сразу, сразу.

Я обернулся на голос капитана. Рядом с ним стояли обе судовые женщины – Яна и Алла.

– Может, на лебедку трос перенести и брашпилем вытащить? – предположил Имант.

– Не получится на лебедку. Пока переносить будем, можем не удержать, совсем уйдет.

Подожди, мне рукавицу новую надо.

Я кинулся к кладовой, внутри которой боцман отесывал топором деревяшку, приспособивая ее для размешивания густотертой краски.

– Ключула, Иваныч! Громадина! Вытащить не можем. Дай рукавицы новые, у меня одна за борт улетела!

– Ключула, говоришь?

Не выпуская топора, боцман прошел к корме, подергал трос и одним взмахом топора перерубил его.

– Не было там никакой рыбины, – коротко объяснил он. – Тоже мне, рыболовы. Трос на винт намотало.

Больше всех расстроился капитан. Недовольно пофыркивая, он походил по корме, и я расслышал, как подрагивающие от возбуждения щеки выталкивают пулеметную дробь слов:

– Да-да-да! Должна тут быть рыба, должна! Да-да-да!

Полчаса спустя «Стремительный» застопорил двигатель и встал на якорь. По берегу, насколько хватало глаз, расстилалась тайга. По указанию начальства мы спустили маленький трехместный ялик, капитан и Дзюба, захватив сеть из боцманского запаса, забрались в него, установили мотор «Вихрь» и покатали к берегу, к малозаметной протоке или впадающей в Колыму речушке. Боцман, недовольный тем, что его оставили на борту, наблюдал за ними в бинокль.

– Ну, блин, кто же так сеть ставит, – комментировал он. – А еще штурмана... Да сейчас в воду свалятся!

– Иваныч, дай посмотреть, – не выдержал я.

– Да было бы на что! – боцман протянул мне бинокль. – Хреново у нас в мореходках учеба построена. Вот вы тоже дипломы скоро получите, придете людьми командовать, а сами ничего толком не умеете.

Я подкрутил окуляры. Начальство изо всех сил пыталось распутать сеть, но усилия приводили к обратному результату. Оба, ожесточенно жестикулируя, о чем-то спорили. Потом капитан указал на что-то рукой. Я переместил окуляры в сторону и увидел плывущего по реке лося с огромными ветвистыми рогами.

– Что там еще? – нетерпеливо спросил боцман.

– Лось, кажется.

Иваныч забрал у меня бинокль, всмотрелся внимательно.

– Огромный! На полтонны потянет. С другого берега перебирается. Жаль, далековато. Не вовремя ялик отвалил. Пока шлюпку спустишь – уйдет. А свежее мясо не помешало бы.

Я посмотрел на ялик. Капитан сидел на банке, возле подвесного мотора, а Дзюба стоял в полный рост, лицом к «Стремительному» и махал руками. Я подхватил с палубы кусок белой ветоши и в ответ покрутил ею в воздухе. Тогда Дзюба взял в руки весло, приставил к плечу, как ружье наизготовку, направил его в сторону лося и выразительно подергал. Потом похлопал по веслу, по борту ялика и энергично стал загребать воздух правой рукой.

– На помощь зовет. С ружьем. Шлюпку спустить надо, – расшифровал я его знаки.

– Не успеем!

Боцман кинулся на шлюпочную палубу, мы с Имантом следом за ним. Ялик рванулся наперерез лося.

– Срочный спуск шлюпки! – крикнул я Гидрофору. – Вызывай Курочкина на мотор.

Иваныч отдал крепления и начал стравливать фал. Шлюпка покатила к воде. Имант раскручивал штормтрап. Курочкин прилаживал на плечо сумку с инструментами. Перед спуском я посмотрел в сторону ялика, который кружил возле лося, пытаюсь отвлечь от недалекого уже берега. Боцман спрыгнул в шлюпку, и Имант подал ему двустволку.

Ровно застучал дизельный движок спасательной шлюпки, и мы отвалили от борта. Боцман с двустволкой устроился на носовой банке. Я сел за руль и вновь посмотрел в сторону берега. Ни ялика, ни лося не было.

– Где они? – удивился я.

– Ты рули, рули! – от нетерпения боцман барабанил пальцами по борту. – Упрямся – разберемся. На фоне леса не видно. Да куда им деться?

Движок быстро набрал обороты. Низкий, густо заросший лиственным лесом берег приближался, но ялика по-прежнему не было видно. В двух метрах от узкой песчаной полоски днище проскрежетало по дну, и шлюпка встала. Курочкин остановил движок. Иваныч выскочил в воду со швартовым в руках, выбрался на сушу, зацепил конец за ствол ближайший березы и повернулся к нам.

– Курочкин остается на шлюпке, матросы за мной!

Мы с Имантом зашагали за боцманом вдоль берега. В небе безмятежно сияло солнце, и здесь, вдали от моря, его лучи вполне по-летнему прогревали землю, отвечающую на тепло буйной растительностью. Река в месте нашей высадки изогнулась излучиной, позволяя довольно хорошо просматривать ближайшую акваторию. Вдалеке на якоре мирно дожидая нашего возвращения «Стремительный». Мимо нас по течению медленно проносило несколько бревен, утерянных, наверное, за тысячу километров еще в верховьях Колымы. Звонящую тишину нарушало только жужжание насекомых. Боцман внезапно остановился и поднял руку.

– Тсс... – прошептал он. – Тихо. Там зверь. Крупный.

Мы усталились на сплошную стену зелени и тоже услышали шорох шагов и треск ломающихся веток. С каждой секундой звук нарастал, и теперь в него вплетались свистящее дыхание и пофыркивание. Зверь, возможно, услышал наши шаги, и уверенный в этом непуганом человеком краю в своих силах, рванулся за легкой добычей. Боцман взвел курки и встал наизготовку. Мы чуть присели за его спиной. Зверь вылетел из кустов и...

...мы с трудом узнали в нем капитана Приходько.

При виде двустволки капитан бросил покореженный мотор «Вихрь» и поднял руки. Боцман опустил ружье.

– Что с вами, Валерий Федорович?

– А что со мной, что со мной? Ничего со мной нет, кроме мотора. – Капитан провел ладонью по кроваво-красному лицу, сминая полчища облепившего его гнуса. – Там он, там, там он. Там.

Приходько сбежал к реке, встал на четвереньки, сунул голову и руки в воду, пофыркал, похлопал себя по телу, избавляясь от остатков гнуса, и полез по откосу к нам. Но на его пути стоял боцман.

– Где ялик? Дзюба где?

– Да ты что, Иваныч, ты что, ты что?

Капитан помолчал, посмотрел в сторону чащи, из которой он только что выбрался, и вяло махнул в ее направлении рукой.

– Нет ялика. И Дзюбы нет. Там они.

– Что значит – нет? Да скажите вы толком наконец. Что произошло?

Приходько повертел еще головой, усеянной теперь сверкающими на солнце каплями воды, увидал в отдалении стоящий на якоре «Стремительный» и, похоже, вспомнил наконец о своей капитанской должности.

– В общем, так... Мы, когда к лосю подскочили, до берега уже недалеко было. Он нас увидел, только быстрее поплыл. Не остановить. И близко не подобрешься, рога у него – во! – Капитан во всю ширь развел руки. – Того и гляди долбанет. Ну Дзюба на носу был, схватил швартовый конец и метнул. Петля точно на рога села. А лось в этот момент дно под ногами

почувствовал. Как рванул на берег – и ялик за ним. И прямо в тайгу. На бешеной скорости. Мотор цепанул за что-то, а я за его ручку держался. Нас обоих и выкинуло. А их, то есть Дзюбу и ялик, так и унес за собой. С концами.

– С какими концами! – от возмущения боцман на миг захлебнулся словами. – С какими концами, товарищ капитан! Лось – это вам не трактор. И ялик... Да сколько он протащить его мог! Наверняка уже что-нибудь случилось. Или с лосем, или с яликом, или...

Боцман запнулся, и капитан горестно кивнул головой.

– Вот-вот, я и говорю... Одного гнуса хватит, чтобы заживо сожрать человека. Я-то рядом вылетел, мне сквозь листву просвет на реку виден был. А он?

– Верно, – согласился боцман. – Ждать некогда. Парни, делайте как я.

Иваныч наклонился, набрал в ладони влажную землю и начал размазывать ее по лицу, шее, тыльной стороне рук, быстро приобретая боевую раскраску. Помешкав, мы последовали его примеру. Капитан смотрел на нас в недоумении.

– Идем на поиски, – объяснил боцман. – А вы ждите нас у шлюпки, она там.

Мы зашагали за боцманом, и я, присмотревшись, увидел прочерченный по земле след ялика неподалеку от места, откуда вышел капитан. В этот момент в чаще перед нами раздался треск веток, мы остановились, и нам навстречу вышел Дзюба. Лицо его, как и наши физиономии, покрывал толстый слой грязи. В руках он держал обломанный лосиный рог.

Морская любовь

Командиром на «Стремительном» с двумя механиками и двумя женщинами остался Гидрофор. Механики, впрочем, были не в счет. Для нас они выглядели фантомами, которые мелькают иногда в судовых коридорах или на трапе при сходе на берег, но не более того. На стоянках буксир пустел, оба механика пускались в беспробудный загул, а на ходу занимались бесконечным сражением с нежелающими им подчиняться двигателями. Даже обеды повариха Яна, чтобы механикам не приходилось тратить драгоценное время на переодевание, относила им прямо в каюты. Переборкой двигателя они занимались и на этот раз.

Ярко, не по-северному, светило солнце. Гидрофор вышел на крыло ходового мостика и снял бушлат. Потом стянул через голову форменку и остался в тельняшке. Приближалось время обеда. Под ложечкой привычно засосало. Гидрофор вспомнил, что вся судовая власть теперь сосредоточена в его руках, и решил наведаться на камбуз. Плита, к его удивлению, оказалась холодной, да и сама повариха отсутствовала. Тогда он заглянул к Яне в каюту, но и там было пусто. Гще больше удивившись и даже встревожившись, он прошелся по другим судовым помещениям, проверил душевые и гальюны, но не нашел ни единой живой души. Не было и буфетчицы Аллы. Он снова поднялся на мостик, внимательно осмотрел девственно пустынную реку. Никого не удалось различить и на берегу. Чтобы увеличить дальность обзора, он зацепил ремешок бинокля на шею и полез по вертикальному трапу на сигнальный мостик, располагающийся на крыше ходовой рубки. Гидрофор поднялся над срезом рубки по пояс и застыл.

На деревянном настиле лежали два верблюжьих одеяла. Поверх них, воспользовавшись редчайшей для этих широт возможностью, на животах, как две морские звезды, раскинулись Яна и Алла. Глаза женщин были плотно закрыты. Рядом, аккуратной стопкой, было сложено их нижнее белье.

Когда столбняк прошел, Гидрофор начал замечать подробности. Особенно его заинтересовала Яна. Гму очень хотелось подойти ближе, но он опасался, что его услышат, и женщины проснутся. Поэтому он стоял на неудобном трапе и терпел.

– Ну, посмотрелся? – не открывая глаз, спросила Яна.

– Да я... – от неожиданности Гидрофор чуть не упал. – Я... я проверить хотел, почему обед не делается, вот! – нашелся он.

– А что, мужики с охоты возвращаются?

– Да нет, не видно пока. Но порядок есть порядок, а я сейчас за старшего. За капитана то есть.

– Так ты теперь капитан... – как-то странно промурлыкала Яна и стала переворачиваться. Гидрофор поспешно спустился с трапа и ретировался в рулевую рубку. Уже там он вновь взялся за бинокль и наконец разглядел судовую шлюпку.

На берегу что-то происходило. Шлюпка была нацелена носом к «Стремительному», и за ее кормой бурлила вода, но движения не замечалось. В шлюпке при этом наблюдался только один человек, судя по всему, Курочкин, а остальные топтались на берегу возле крупного предмета.

– Яна! – закричал Гидрофор, выскакивая на крыло. – Мужики лося завалили! Здоровенного! Растапливай плиту!

– Здоровенного, говоришь...

Гидрофор посмотрел вверх и едва не уронил бинокль. Яна стояла над его головой у рейлингов верхнего мостика и, не спеша, прилаживала к объемистой груди лифчик. Солнце из-за ее спины било Гидрофору прямо в глаза так, что вокруг плотно сбитого тела Яны расплывался светящийся ореол.

– Капитан... Не поможешь мне... на камбузе?

Наша охотничья команда вернулась к буксиру на одной спасательной шлюпке. Унесенный лосем в чащобу ялик мы отыскивали метрах в ста от береговой линии и кое-как оттащили обратно к воде. Бока его были основательно покорежены, транцевая доска отлетела вместе с мотором, плыть на нем было слишком рискованно, и мы прикрепили его к борту шлюпки. Когда мы добуксировали его до «Стремительного», ялик был на две трети затоплен.

– А где же лосина? – разочарованно спросила Яна.

Гидрофор помог ей на скорую руку соорудить немудреный обед из макарон по-флотски с тушенкой, а затем и вымыть кастрюли. После чего у него появилось устойчивое хобби. Отстояв вахту, он чистил картошку на ужин. После завтрака складывал на полки чистые тарелки. После обеда вышвыривал за борт камбузные отходы.

Несмотря на нашу небогатую пока морскую практику и юный возраст, каждый четвертый курсант уже был женат. Остальные, пусть и на теоретическом уровне, твердо знали, что в море после недельного плавания все женщины допенсионного возраста становятся желанными солнышками и ласточками, а многим из них, несмотря на любые возрастные соотношения, удается увязать достигнутое на долгие годы в крепкий морской узел супружеской жизни. Поэтому женский вопрос лучше сразу решать на берегу, не затягивая с выбором. Лучше все равно не будет. И я подумал, что друга надо спасать.

В поселке золотоискателей Черский нам предстояло взять на буксир очередной лихтер. Мы с Гидрофором вышли в поселок, чтобы закупить свежего хлеба на предстоящий рейс. В отличие от других северных поселений, в которых нам удалось до сих пор побывать, Черский выделялся особенной ухоженностью и добротностью. Чувствовалось, что сезонников здесь немного, жители обосновались всерьез и надолго. Навстречу нам шли две местные красавицы, облаченные в легкие ситцевые платья.

– Девушки, где у вас хлеб продают, – спросил я и добавил жалобным голосом: – Очень кушать хочется...

Они остановились и с подозрением осмотрели наше не слишком презентабельное, полукурсантское, полугражданское облачение.

– Вы че, и правда не знаете? Вот же он! – одна из красавиц с темными, свободно раскиданными по плечам волосами указала на ближайший дом.

– Правда? А где же вывеска?

– Да зачем нам вывеска? – Мы и так все знаем. А вы откуда такие, из Среднеколымска, что ли? Или из самого Якутска? Хотя нет, не похоже...

Мне показалось, что в ее голосе зазвучал неподдельный интерес, что, по моим соображениям, было вполне логично – каждая из местных незамужних обитательниц должна спать и видеть заезжего принца из областного центра. И лучше такого лекарства для Гидрофора просто не существовало.

Гидрофор гордо выпятил грудь.

– Вообще-то мы из Риги, – как можно более небрежно обронил он.

– А это еще где? – удивилась вторая красавица в мелких кудряшках.

– Да как вам сказать, – в свою очередь удивился я и махнул рукой на левый берег Колымы. – Отсюда километров тысяч семь или восемь, наверное, будет. Туда, на запад. А давайте мы вам объясним поподробнее. У вас кафе тут какое-нибудь есть? Или можно к нам на пароход, на экскурсию.

Девушки моментально потеряли к нам интерес.

– Семь тысяч километров! – прокомментировала кудрявая. – У-у, какая глушь...

– Погодите, – я еще пытался спасти положение, – говорят, у вас, золотоискателей, глаза на метр под землю проникают. И уж если ваша девушка на кого посмотрит, как вы сейчас на нас...

– Не трудись, – закончила длинноволосая. – Уже посмотрели. И поняли, что искать вам здесь нечего. Адью!

Красавицы развернулись и, ни разу не обернувшись, скрылись за поворотом.

– Не поняли нас, – посетовал я. – Не то что наши женщины на «Стремительном», верно?

– Да при чем тут... – Гидрофор покраснел. – Не знаю, о чем ты... Они и правда хорошие. И внимания заслуживают. Особенно Яна.

– Особенно?

– Ну да! У нее, между прочим, день рождения сегодня. Юбилей!

– Неужели уже пятьдесят стукнуло? Никогда бы не дал!

– Да сорок всего! Ну, хлеб-то будем брать?

Юбилей отмечали вечером, в узком кругу. Извещать начальство Яна постеснялась. И у капитана, и у Дзюбы с Аллой в Черском оказались знакомые, к которым они отправились погостить, по всей видимости, до утра. Боцман исчез, никого не предупредив. Каюта его была заперта, на стуки он не отзывался. Яна принарядилась, накрашила губы и принесла в нашу с Гидрофором каюту бутылку спирта. Мы в ответ честно выставили две оставшиеся бутылки вина. Трезвенник Имант покрутил носом и ушел на палубу, где ему и полагалось нести вахту. Курочкин расцеловал Яну и подарил ей самолично сооруженный из толстой проволоки держатель для кастрюль, чтобы руки не обжигала. Яна растрогалась и погладила симметричные ожоги на тыльной стороне предплечий обеих рук. Мы попробовали коктейль из спирта и сладкого белого вина, но пришли к выводу, что с томатным соком спирт гораздо приятней.

– Не думайте, – сказала Яна и плотней прижала ногу к Гидрофору. Правда, сидеть в тесной каюте, не касаясь соседей, было невозможно. – Я не такая простая, как выгляжу. У меня сестра знаете кто? Жена самого министра торговли! Живет в Москве как сыр в масле! А меня и знать не хочет, стерва! Компрометирую ее, видите ли! И все потому, что я двенадцать лет в лагере откатала. И за что? Пятнадцать лет мне было, булку с голодухи в булочной сперла! Ну ничего, я ей еще о себе напомним!

Она вновь погладила ожоги и пытливо заглянула мне в глаза, словно пытаюсь понять, знаю ли я, что на самом деле это вытравленные татуировки, коих на других частях тела еще предостаточно и о которых мне под большим секретом поведал Гидрофор.

В распахнутый иллюминатор струился свежий колымский ветерок. Застенчивый Курочкин, вдруг разговорившись, поведал о московской студентке, с которой уже полгода поддерживает переписку, и как недостает ему этих писем сейчас, во время скитаний по бесконечным морским просторам. Яна раскраснелась и похорошела. Даже помолодела как будто. Я расслабился и предложил выпить за любовь.

Празднование прекратили, когда закончилось спиртное, незадолго до полуночи. Ночная вахта выпадала мне. Солнце, не скатываясь полностью за горизонт, спряталось за ближайшим лесом, и на окрестности опустился мягкий сумрак. Ночных гостей мы не ожидали, трап был убран, и я в полудреме сидел на крыле ходового мостика. Нагретая за день земля отдавала накопленное тепло легким, стелющимся туманом, который заканчивался у моих ног, и мне казалось, что я плыву на облаке. Или от этого ощущения, или от спиртного кружилась голова. Время от времени я проваливался в сон. И то читал тщательно выписанные по телу Яны клятвы не забыть мать родную и умереть за любовь, то прятался от разгневанного Бабурга среди ящиков на палубе лихтера, то несся по тайге на ялике с запряженным в него лосем. В какой-то момент мне показалось, что по палубе внизу ступают чьи-то осторожные шаги. Я встал и увидел, как боцман помогает перебраться на берег молодой толстушке с хорошо развитой филейной частью, которой, без сомнений, могла бы плотно, как пробкой, заткнуть судовой иллюминатор. Она перешагнула через борт, ступила на привальный брус и

пошатнулась. Мне показалось, что она сейчас свалится за борт, между причалом и корпусом буксира, и я хотел броситься на помощь, но мощные руки боцмана уже подхватили объемное тело и легко, как подъемным краном, перенесли на причал.

Я закрыл глаза.

Следующий раз меня разбудили какие-то голоса, идущие снизу. Я перегнулся через рейлинг. В иллюминатор Яниной каюты выглядывала голова Гидрофора.

– Да нет никого. Да и туман, – сказал он невидимому собеседнику и исчез.

Какое-то время уже неразличимый гул голосов внизу продолжался. Затем в иллюминатор высунулось что-то белое и объемное, вроде подушки, и звуки прекратились. Я сел на прежнее место. Когда я вновь открыл глаза, передо мной стоял Гидрофор в семейных трусах и тельняшке.

– Слушай, – прерывисто дыша, сказал он, – помоги беседку спустить, только быстро.

– Какую еще, на фиг, беседку. У тебя что, крыша от полового возбуждения съехала?

– Да при чем тут... У нее тело, знаешь, какое молодое! Только... Я сдуру про задницу в иллюминаторе рассказал, ну, мы заспорили, она попробовала и застряла. Вот!

– Понятно, – ответил я и закрыл глаза, подумав, что вновь вижу сон.

Пальто

Это нам только кажется, что мы управляем вещами. На самом деле все происходит с точностью до наоборот. Во всяком случае, мой характер полностью сформировался под воздействием вещей. Заявляю об этом прямо и откровенно.

Природа с детства одарила меня хорошей памятью и довольно крупным телосложением. Поэтому в классе я был больше похож на второгодника, сидел на последней парте и читал на уроках приключенческие романы. Иногда, чтобы заставить врасплох, учитель задавал мне коварный вопрос по текущей теме, надо было вскакивать и отвечать. Поэтому у меня хорошо развился периферийный слух и громкий голос – на задней парте мямлить не полагалось. В пятом или шестом классе я перерос очередную костюм, и моя мать отправилась на поиски замены для донельзя обносившихся брюк и куцега пиджачка. Работала она в Старой Риге, рядом с Театром русской драмы и самым престижным в городе ателье мод. Выйдя из конторы в обеденный перерыв, она увидела, как в ателье заканчивают оформление витрины, прилаживая к роскошному черному вечернему костюму ярлычок с неприлично смешной ценой. Она, что называется, не поверила своим глазам и вошла в ателье. Приемщица объяснила, что клиент отказался от почти полностью оплаченного авансом заказа, и костюм выставлен за остаточную стоимость. Так в моем гардеробе появилась невероятная обнова.

На следующий день я пришел в школу. Первый урок весь класс, особенно девчонки, смотрел не на доску, а на меня. На перемене Ваня Кошкин, злостный второгодник и мелкий бандюган с московского форштадта, или, как чаще говорили тогда, с Москачки, впечатал мне в центр пиджака подошву своего грязного башмака. Рассвирепев, я разбил ему нос, и нас обоих потащили на разборку к директору школы. Отпустив Кошкина, директор долго рассматривал мой костюм, потом спросил классную учительницу, как я учусь, на что та неопределенно покрутила в воздухе рукой, и вынес вердикт:

- Будешь представлять школу на районном смотре самодеятельности.
- Но у меня нет музыкального слуха...
- Ведущим будешь! Если не хочешь из школы вылететь.

С этого момента я стал в школе популярным человеком. Мне пришлось учиться искусству конферанса, готовить шутки и репризы, развивать голос так, чтобы он легко, без микрофона, покрывал шумы многолюдных школьных сборищ. Характер мой изменился радикально. Из увальня-флегматика, озабоченного лишь проблемами героев Майн Рида, я превратился в ярко выраженного сангвиника, способного за считанные минуты стать своим в любой компании. Пышущий жаждой мести Кошкин несколько раз пытался со своими дружбанами с Москачки организовать для меня засаду по дороге из школы, но каждый раз многочисленные доброжелатели предупреждали меня о коварном замысле недруга и уведили другими путями.

Два года спустя мой костюм начисто потерял сценический лоск, я опять подрос, но в витрине ателье ничего подходящего больше не выставлялось. Моя карьера конферансье пришла к закату. Тем более что появилась новая проблема. На этот раз с обувью. Нога росла пропорционально с телом, а советские обувные фабрики, наверное, для экономии кожи предпочитали выпускать обувь малых размеров. Мой сорок третий был настоящим раритетом. Не мог же я выходить на сцену в перманентно просящем кашу ботинке! В человеке все должно быть красиво: и костюм, и туфли. И как быть в компании, если нос твоего ботинка, отклеиваясь, цепляет за тротуар! Мне пришлось изобрести множество способов отвлекать внимание собеседников от того, что происходит ниже пояса, и у меня развилась привычка размахивать при разговоре руками.

Первые самостоятельные деньги я заработал на практике в порту после второго курса мореходного училища. В это время в моду вошли туфли с длинными острыми носами. В магазинах такие не продавались, производили их только подпольные сапожники и продавали по высокой для тех времен цене, по сорок рублей. Первую зарплату я отдал посреднику за туфли. О примерках тогда никто и не думал, назывался лишь размер. Но колодки у подпольных сапожников, как выяснилось, были рассчитаны только на сорок первый. Это меня не смутило. Уж очень хотелось выглядеть красиво. Подумаешь – на два размера меньше. Длинный носок должен был компенсировать недостающее пространство для пальцев ног, а остальным неудобствам можно было не придавать значения. Кое-как натянув туфли, я отправился на танцы. Ноги стягивало так, словно меня пытали испанским сапогом. Гордиться остальной одеждой не приходилось, но туфли! Я выплясывал так, что видно было только их. Девчонки хохотали над моими шутками. После танцев я пошел провожать одну из них домой, и ноги были единственной заметной частью моего тела. Форма моей ноги изменилась по форме туфель с длинными носами, и я научился стойко переносить любую боль.

Не удивительно, что, когда я стал штурманом торгового флота, самыми значимыми для меня покупками стала обувь. Я заходил в роскошные обувные магазины загнивающей Западной Европы, и у меня перехватывало дыхание. На полках бесконечными рядами стояли туфли с острыми носами, с носами круглыми и прямоугольными, прошитые и проклеенные, с заклепками и без, на тонких кожаных подошвах и на толстых платформах, всех красок и оттенков, настоящий обувной рай! И при этом – любого, даже самого моего дефицитного сорок третьего размера! Проблема была только в одном – стоила обувь по меркам заработка советского моряка непомерно дорого. Приемлемыми для наших зарплат были лишь специальные магазины колониальных товаров. Дикарям в колониях предприимчивые торговцы продавали бусы и цветные побрякушки. Для советских моряков – умещающиеся в карман плащи из болоньи, гипюр, похожий на покрытый позолотой тюль, мохеровую пряжу красочных тонов, уродливые женские парики и дешевые складные зонтики. На родной земле все это пользовалось невероятным спросом и жить морякам позволяло безбедно. Но купить для себя обувь... Я, однако, помятуя о былом костюме, надежды не оставлял. И не напрасно.

Постепенно мой обувной гардероб начал пополняться. Последним приобретением стали роскошнейшие туфли на только что вошедшей в моду платформе с широкими, красиво округленными носами. Рост мой сразу увеличился сантиметров на семь.

Туфли сложного, коричнево-зеленого оттенка отливали всеми цветами радуги и сами, без малейших моих ухищрений притягивали взгляды прохожих. В Ленинграде я надел их для культурной прогулки в Эрмитаж. Незадолго до этого прошел дождь, воздух был чистым и свежим, светило солнце, отражаясь от лакированной поверхности туфель, и мы с другом не спеша шагали к музею вдоль Невы. Перед входом в музей растеклась лужа. Я прыгнул через нее и, приземлившись, ощутил на правой ноге дискомфорт. Посмотрев вниз, я с ужасом обнаружил, что заостренный несколько лет назад палец насквозь пробил поверхность новой туфли и нахально выглядывает из нее, как мышь из норы. Изучив повреждение ближе, я понял, что верх десятидолларового башмака изготовили из простого картона, который все равно расползся бы при первом же дожде, и предназначались туфли, скорей всего, для манекенов, что, возможно, и пытался объяснить мне при продаже продавец на непонятном для меня языке. Второй же мой вывод заключался в том, что на действительно добротные вещи заработка советского моряка недостаточно.

Искать что-либо подходящее в советских магазинах было бессмысленно. Единственная возможность придать своему облику индивидуальность возникала лишь при покупке вещей в комиссионных магазинах или с рук. Поэтому, оказавшись в Риге в очередном отпуске, я с интересом разглядывал рукописные по большей части объявления на деревянном стенде у центрального железнодорожного вокзала. Спрос определенно превышал пред-

ложение. Люди мечтали снять комнату или квартиру для молодой бездетной пары, купить педали для велосипеда «Спутник» или женские сапоги сорок седьмого размера. Вместо этого охотникам за удачей предлагались беспородные котята, репетиторство по французскому языку и старые чугунные ванны с самовывозом. Объявления писались на крохотных клочках бумаги, вырезанных из клетчатой бумаги школьных тетрадок по математике, и снабжались бахромой телефонов с указанием звонить в рабочее время. Квартирные телефоны были роскошью, и в объявлениях номера их, как правило, отсутствовали. То ли их счастливые обладатели уже обеспечили себя всем необходимым для дальнейшей жизни, то ли осторожничали. Зато к доске время от времени подходили неприметные бабульки в серых байковых платках и заговорщицки спрашивали, не хочу ли я снять комнату по сходной цене.

Комната меня не интересовала. Так и не найдя ничего любопытного, я уже собирался уходить, когда возле меня, благоухая духами «Южная ночь», остановилась красотка в красном приталенном пальто. Запах был мне хорошо знаком, потому что точно такие духи я накануне подарил девушке, с которой нас связывали странные, очень переменчивые отношения. Раскрывая флакон, она умудрилась его уронить и разбить так, что большая часть духов оказалась на моих ботинках. Сделала она это случайно или с досады, что вместо ожидаемых «Шанель № 5» ей досталась продукция местной парфюмерной фабрики «Дзинтарс», я так и не успел понять, потому что сразу после неудачи с подарком она вспыхнула и ушла. Возможно, запахи влияли на ее характер не меньше, чем на мой – одежда. Но сейчас, когда у остановившейся возле меня красотки упала перчатка, я наклонился и легко сумел сравнить аромат ее духов с запахом, все еще источаемым моей обувью. Рядом с перчаткой лежал листок.

– Это тоже ваш? – спросил я, протягивая незнакомке листок вместе с перчаткой из мягкой, хорошо выделанной кожи.

– Спасибо. Вы такой внимательный... – она улыбнулась, блеснув золотой коронкой. – Нет, листок не мой. Похож на объявление. А что на нем написано?

Я быстро прочитал про себя короткий текст и посмотрел на элегантно, явно не из магазина одетую красотку. У нее была завораживающая улыбка и неплохая фигура, я располагал свободным временем и, наверное, свободой для отношений, ситуация для знакомства складывалась более чем благоприятная. Но что, если...

– Да так, чушь какая-то, – ответил я, смятая листок и кидая его в урну. Точнее, делая вид, что кидаю, потому что на самом деле я зажал его пальцем и как можно более незаметно опустил в карман. – Однако мне пора. Приятно было познакомиться.

– Так ведь мы не...

Но я уже шагал прочь. Красоток в городе было много, с духами или без. А подобное предложение – единственно и неповторимо. Судьба подала мне знак, и упавшая перчатка определенно была лишь составляющей частью ее плана. Листок мог отклеиться и упасть сам, но мог быть и обронен заинтересованной стороной, поэтому вопрос, как учили правила хорошей морской практики, надо было решать сразу, решительно и последовательно. И потенциальная конкурентка в таком деликатном вопросе мне была совсем ни к чему.

Отойдя от доски объявлений подальше, я развернул смятую бумагу и еще раз прочитал записку. Стандартный, ничем не примечательный листок был заполнен крупным и неровным, как у школьника, почерком с сильным наклоном влево. Телефон на объявлении не обозначался, зато был указан адрес для обращения – судя по всему, домашний. Идти от вокзала было недалеко. Осень выдалась сухой и морозной, в воздухе пахло близким снегом, улицы были чисто выметены. Не так чисто, конечно, как в период моего детства, когда дворники по утрам намыливали тротуары и выдраивали их щеткой, как матросы палубу, но от опавших листьев уже не оставалось и следа. Порыв ветра прорвался под мою щегольскую бельгий-

скую куртку, выглядевшую как настоящая кожаная, и я напряг мышцы спины. Говорят, таким способом греются охотники в засаде. И я мало чем отличался в эти минуты от охотника.

Улица называлась Сарканармияс, что в переводе с латышского означало Красноармейская, и относилась к центральным и наиболее уважаемым. Правда, в последних двух кварталах, примыкающих к железной дороге, от уважительности не оставалось и следа. Четырех-, пятиэтажные дома не ремонтировались, наверное, с досоветских времен и были пристанищем так называемых неблагополучных семей. Можно было только догадываться, что в этом определении было первично: то ли жилищные комитеты специально подбирали неблагополучных жильцов, то ли они становились таковыми, пожив в неудобных маленьких квартирах с окнами, выходящими в узкие дворы-колодцы, и с пропахшими кошками подъездами. Я поднялся на второй этаж и позвонил. Дверь приоткрылась на цепочке, и я поспешно объяснил, что пришел по объявлению.

– А деньги с собой есть? – неожиданно спросил хозяин.

– Есть, не волнуйтесь.

– Покажи!

События, по моему разумению, развивались не совсем в правильную сторону, и я засомневался. Разглядеть хозяина в узкую щель было сложно, но он уже был в возрасте, мощностью сложения не отличался и больше походил на стандартного алкаша. Откуда у него такая вещь? Стажил где-нибудь? Из квартиры тянуло спертым, прокуреным воздухом, аромат которого не перебивала даже «Южная ночь», но запаха спиртного я не ощутил. Хозяину мое замешательство не понравилось.

– А раз нет, так и...

– Стойте, вот!

Я достал из кармана пачку купюр, незадолго до того полученную за отрез гипюра, купленного в магазине для советских моряков в городе Антверпен, и помахал ею в воздухе. Дверь все-таки закрылась, но потом открылась вновь, уже во всю ширь, и хозяин, мужчина лет пятидесяти, довольно рослый, но с худым, изможденным лицом и опавшими плечами, впустил меня внутрь.

– Садись! – отрывистым, неожиданно резким голосом не предложил, а скорее приказал он, указывая на рассохшуюся табуретку возле кухонного, накрытого протертой клеенкой стола. Квартира, собственно, и начиналась прямо с кухни, без прихожей. В углу стояла деревянная плита, и на полу лежала вязанка дров в металлическом обруче. Дверь в комнату отсутствовала, и мне отчетливо были видны узкая, застеленная серым солдатским одеялом кровать, скромный двухдверный шкаф и еще одна табуретка. На этом меблировка квартиры заканчивалась, а к описанию оставалось лишь добавить давно потемневший от никотина потолок и выщербленный деревянный пол.

– Ничего, я постою.

– Садись! Поговорим сначала. Я, может, еще и не решил о продаже. Такую вещь сегодня днем с огнем не сыщешь. А ты – постою! Ты в армии-то служил?

– Да как вам сказать... На стажировке был. Я вообще-то офицер, – зачем-то похвастал я, – лейтенант, только запаса. А теперь в море хожу, штурманом.

– Ну, значит, другой разговор! Флот – это почти армия, свой человек будешь. Так зачем тебе вещь такая? – хозяин пригладил правой рукой сбившиеся, давно не стриженные седые вихры. Левая, скрученная в кисти и словно высохшая, висела неподвижно. Угадать в нем бывшего военного можно было разве что по командному голосу и колючему взгляду из-под кустистых, враспырку бровей.

– Понимаете, я же в заграничье хожу. Мне надо страну достойно представлять, чтобы уважение капиталисты чувствовали. А кто тебя в нашем ширпотребе уважать будет?

– Это верно... Так что, может, чайку попьем? – предложил он. Я представил, как прикасаюсь к засаленной кружке из грязной раковины, и меня передернуло.

– Знаете, только что пил... Да и... Может, покажете все-таки, что продаете?

– А и ладно, – разочарованно вздохнул хозяин. – Заварка-то все равно кончилась.

Повздыхав еще немного, побряхтев под стать табуретке, на которой мне досталось сидеть, он наконец вышел в спальню и вытащил из шкафа объемистый рюкзак цвета хаки, поставил его возле меня и еще раз сходил в спальню за табуреткой. И лишь усевшись на нее и не спуская с меня серых, чуть на выкате пронзительных глаз, разрешил:

– Доставай. Может, тебе еще и не подойдет. Сейчас-то таких давно не делают. Лет двадцать ему уже, считай, будет.

– Как двадцать?! – у меня отвалилась челюсть. – Вы же написали в объявлении, вот оно, что новое!

– Да оно и есть новое! Не волнуйся! Я его всего один или два раза надел, а остальное время оно в рюкзаке пролежало. Да если бы деньги не нужны были... Такая вещь! Доставай, не сомневайся.

Уже заранее ощущая себя одуроченным, я вытряхнул рюкзак и достал на свет божий пальто из натуральной коричневой кожи. Хотя назвать его пальто не поворачивался язык. Это была Вещь, в которую я влюбился сразу и безоговорочно. Годы действительно не оставили на поверхности сияющей благородным матовым блеском коже ни малейшего следа. Я сразу понял, что купил бы это пальто даже в случае, если бы хозяин запрашивал вдвое больше. Второй такой Вещи просто не существовало в природе, в этом я был уверен, и теперь боялся только, чтобы хозяин не передумал. И чтобы пальто оказалось мне впору.

Скинув куртку из кождама, я не надел пальто, а скорей, вставил себя в его теплые, облегающие объятия. Зеркала в квартире не оказалось, но я уже воспарил над собой, отчетливо представляя со стороны уверенную, комиссарскую походку с развевающимися фалдами... хотя нет, фалды, пожалуй, были слишком тяжелыми, чтобы развеяться. Они будут раскидываться обширными, не сминаемыми складками, когда я буду сидеть на заднем сиденье такси... Да какого, к черту, такси! Теперь, когда морякам разрешили привозить из Европы подержанные автомобили, я подышу себе огромный, метров на шесть «линкольн», потому что на меньшем в таком пальто представить себя невозможно. Пальто доставало до пола, но на такую мелочь я даже не хотел обращать внимания. В ближайшем же ателье мне обрежут лишнее под нужный размер, и шегольские ковбойские сапоги великолепно дополнят одеяние, в котором, несомненно, меня будут пропускать в любой ресторан под завистливые взгляды безнадежно томящейся очереди.

– Беру! – выдохнул я, стараясь не высказать слишком сильного восторга.

– Постой, это еще не все.

Хозяин, словно чародей, достал из шкафа второй рюкзак и сам вытащил из него натуральную дубленку.

– Держи, эта штукавина пристегивается к пальто как подкладка. В полном комплекте можешь смело ехать в экспедицию на Северный полюс, никакой мороз не возьмет!

Я не верил своим глазам. Чтобы хозяин не передумал, я был готов даже на чай из засаленной кружки. Надо было поддержать разговор.

– А вы что, на Севере служили?

– Служил, ха! – отчеканил он. – Двадцать лет, как из пушки. До полковника дошел. Ну это, правда, уже при выходе на пенсию дали. У нас там, как-никак, год за два шел. Кагэбэ – это тебе не фунт лиха!

– КГБ? – упавшим голосом переспросил я. Мне стало не по себе. В семидесятые годы КГБ в сознании широкой публики уже не носил прежнего пугающего значения, но по привычке от людей из этой организации принято было держаться подальше. Я предста-

вил сибирский лагерь для политзаключенных и подумал, что вполне проживу оставшуюся часть жизни и без такого пальто, но потом вспомнил, что лагеря охраняли войска внутренних войск, а не КГБ. На Севере они скорее имели отношение к погранохране.

– Представь себе. Там мне пальто и досталось. – Хозяин посмотрел в темный потолок, и лицо его вдруг разгладилось, помолодело, словно он только что вернулся в лучшие годы своей жизни. Судя по обстановке, гости в этой квартире появлялись нечасто, и он явно был рад неожиданному собеседнику. – Я, когда приехал, лейтенантом еще был, только из училища. И вот, представь, прилетаю из Москвы на Таймыр, выхожу из самолета на летное поле, а тут прямо к трапу подкатывает черный ЗИМ, и из него выходит генерал, начальник округа. Лично! Я стою ни жив ни мертв и трясусь весь. Да еще мороз градусов под тридцать, метель метет, а я в шинельке на рыбьем меху. Генерал подходит, жмет мне руку и приглашает в машину. Ну, говорит, поздравляю с началом службы, нам такие нужны. Обживайся. Открываю я заднюю дверь, а там женщина. Познакомься, говорит генерал, с моей дочерью. Может, породнимся еще. Чем тебе не жена? Глянул я на нее, сидит деваха с круглой мордой, да и сама, как колобок, а я-то худой, мне на таких, как она, и смотреть страшно. Да попробуй генералу поперечь! Сел я с ней рядом, и молчим оба. И духами от нее на весь салон! Что-то мне запах этот сейчас вспомнился, не пойму с чего... Приехали прямо в генеральский дом. Заходим, и он своей супружнице, с порога прямо, знакомься, мол, жених для нашей дочери прибыл на службу. А потом снимает с вешалки новенькое пальто, вот это самое, и вручает мне. Ты, говорит, промерз весь, вот тебе от моих щедрот генеральский подарок. Словом, окрутил он меня, как два пальца.

– И потом вы в этом пальто...

– Да при чем тут пальто! – полковник крикнул с досады, встал, прошелся по комнате, достал пачку «Примы», раскурил новую сигарету и закашлялся. Правая, здоровая рука, которой он держал сигарету, задрожала, и я пожалел, что затронул больную для него тему. – Пальто... В таком кожане только генерал мог ходить. А я же военный, мне форма полагалась. Через неделю свадьбу сыграли. Вообще-то я непьющий. Но тут выпил, конечно, попробуй не выпить, когда такой тесть тебе наливает. Одну ночь мы с женой переспали. Поерзал я на ней, свинье жирной, даже и не понял, чего было. А на следующий день генерал ее в Москву отправил, по состоянию здоровья, как бы. И с концами. Это я уже потом узнал, что ее, сучку, старшина один из нашей части имел, от него она и забрюхатела. Да и генерала я потом только издали видел, тем более, его тоже вскоре в Москву перевели. Перед отъездом вызвал меня, глаза прячет. Ты, говорит, потерпи пару годиков, все у тебя нормально будет. Ну, я терпел. Может, даже рад был. Развели нас с его дочерью заочно, лет через пять. По службе меня, правда, продвигали неплохо. Наверное, чтобы молчал. Да я и молчал, что я, враг самому себе? А пальто так и лежало. Ну а когда на пенсию отправили, рука малость вот подвела, квартиру предложили в любом городе, кроме Москвы. Я и взял в Риге. Зато теперь – вольный казак. У меня же после жены ни одной женщины не было. Откуда их на Крайнем Севере найдешь? Так что силы у меня не растроченные, а теперь я холостяк и со своей квартирой. Да любая баба за меня пойдет! Но я их, подлюг, теперь на нюх брать буду. Попадется с такими духами, как у моей бывшей, – к чертям собачьим!

Подергав носом, полковник с подозрением посмотрел на меня, и я поспешно выложил деньги на стол, добавив к обещанной сумме десятку за рваный рюкзак.

– Так я пойду, товарищ полковник?

– Иди, лейтенант... А то заходи еще, чайку попьем, а?

Выйдя от полковника, я с облегчением набрал полную грудь свежего морозного воздуха и бодро зашагал к ближайшему ателье. Шитье на заказ не слишком сильно отличалось от магазинного, выбор лекал был ограничен, но мне всего-то надо было укоротить непомерно длинное пальто, какие тут проблемы? Увы, при первой же попытке меня огорошили.

Полы пальто надо было не только обрезать, но и подшить, притом, что ни одна советская машинка, объяснила приемщица, кожу такой толщины взять не в состоянии.

– Здесь, знаете ли, старый «Зингер» нужен, – авторитетно заметил старик-скорняк, к которому после долгих уговоров меня допустили на аудиенцию. – Только где такой сейчас взять?

– Может быть, вы подскажете?

– Ну что я могу вам подсказать, молодой человек! – мастер театрально воздел руки к небу. – Я же противозаконным частным подпольным бизнесом не занимаюсь. А в ателье у нас план, нормативы, графики, расценки, все как полагается.

– Мне не важно, как полагается. И расценки меня не интересуют.

– Вам не важно! Как могут быть не важны расценки? Вы что, подпольный миллионер? Да только мы никаких цен и не обсуждаем. А говорим только о старом «Зингере». Верно?

– Конечно, – подтвердил я. – Просто, вдруг вы знаете кого-нибудь, у кого есть такой старый «Зингер», чтобы можно было...

– Так с этого надо было и начинать, что вам нужен мой дальний знакомый Зяма, у которого, кажется, или у его знакомого, как я слышал, таки есть такая машинка. А вещь у вас, правда, знатная, даже жаль такую резать будет. Прямо как шагреневая кожа.

– Шагреневая кожа, – припомнил я, – уменьшалась, когда исполняла желания своего хозяина. А мою пока никак уменьшить не удастся...

– Именно про это я и говорю, – подтвердил скорняк, подвигая ко мне бумажку с телефоном.

* * *

Получить подшитое пальто от Зямы мне удалось только через неделю, в последний день отпуска. Владелец старой машинки «Зингер» был похож на давшего мне его телефон скорняка как две капли воды. Долгий срок для обрезания пальто он объяснял то поломкой иглы при прошивании действительно непомерно толстой, как у носорога, кожи, то заеданием какой-то детали в машинке, но во мне сидело твердое убеждение, что он просто не в силах расстаться с замечательной, оказавшейся в его распоряжении вещью. По крайней мере, пока не покажет ее всем своим многочисленным друзьям и родственникам, которых я постоянно заставлял выходящими из его квартиры. В последний раз я пришел к нему прямо из военкомата, в который был вызван повесткой. Время от времени офицеров запаса приглашали на военные сборы, длиться они могли от одного до трех месяцев, но военком сразу рассеял мои опасения, объяснив, что действующих моряков на переподготовку не забирают, и поздравил меня с присвоением очередного воинского звания – старшего лейтенанта. «Это все равно, что малый полковник», – пошутил он. А будешь по своей службе успешно продвигаться – и до настоящего полковника дорастешь!

– Это вряд ли, – возразил я.

– Почему? – удивился военком. – Служебным ростом не интересуешься?

– На флоте мне будет положено звание капитана первого ранга! – гордо объяснил я, жалея только, что пришел к военкому не в генеральском пальто.

Когда я наконец забрал у Зямы пальто, на улице выпал снег, температура упала до минус десяти. Я примерил обнову перед большим зеркалом в прихожей под восхищенное цоканье скорняка. В зеркальном отображении был уже не я, а лишь похожий на меня, но явно старше, серьезней и значительней человек с жестким, немного надменным и проникающим насквозь взглядом. Такие люди не ходят сами, они перемещаются в пространстве в окружении почтительной свиты, готовой уловить малейшее желание повелителя – по меньшей мере, генерала армии. Небрежно вручив Зяме заслуженный гонорар, я оставил старую

куртку из кожзаменителя и рюкзак в его квартире. Появляться в новом кожаном пальто на улице со старым рюкзаком за спиной было все равно, что идти одетому во фрак и нести в руках авоську с картошкой. Такси не было видно, а садиться в общественный транспорт мне теперь казалось не солидным. Три километра до квартиры, в которой я снимал комнату, где, предполагалось, буду жить с девушкой, вылившей на мои ботинки духи «Южная ночь», я одолел пешком. За последнюю неделю мы то ссорились, то мирились, и я уже не мог понять, в какой именно стадии отношений мы находимся сейчас. По дороге мне попала группа оживленно дискутирующей шпаны из шестнадцатилетних подростков. Прохожие старательно обтекали их широким полукругом или переходили на другую сторону улицы. Я прошел вплотную, и подростки замолкли и рассыпались в стороны, словно занимая стартовые позиции, чтобы дать стрелка от неминуемой угрозы. Двумя кварталами позже мне повстречалась молодая мамаша с годовалым малышом в коляске, который посмотрел на меня и заревел во весь голос.

В квартире было пусто. Я подошел к зеркалу. На лбу моем, несмотря на уличный мороз, проступала испарина. Спина была мокрой. Собрав чемодан, я подумал немного, перед тем как надевать пальто, и решительно отстегнул подкладку, только теперь, по сути, обратив внимание на десятикилограммовый, если не более, вес изделия. Без подкладки пальто немного съезжилось, совсем как шагреновая кожа, подумалось мне. До порта я добрался на такси, за которое отдал последние оставшиеся после отпуска деньги.

Штурман, мой старый приятель Слава Курочкин, которого мне предстояло сменить, встретил меня понимающей усмешкой:

– Ну, старик, выглядишь шикарно...

Я гордо приосанился.

– Видать, с подругой только что расстался?

– Почему ты так думаешь? – удивился я.

– И думать нечего. Вон у тебя вид какой замученный. Небось, до последней секунды не отпускала из постели, а? Ну да теперь и я в отпуске оттянусь, не сомневайся!

Я принял дела, мы выпили по бокалу коньяка и распрощались. О пальто Славик ни разу не спросил, словно его и не было, и я не стал ему рассказывать ни о полковнике, ни о своем новом воинском звании.

В Лондон мы попали 7 ноября в день, который почему-то упорно сохранял название праздника Октября. По этому случаю советский консул пригласил руководство судна к себе. Мы поехали втроем. Капитан был в черном советском пальнике, первый помощник в красной синтетической куртке, а я, конечно, несмотря на довольно теплую погоду, в кожаном пальто. Собственно, ничего другого у меня и не было. Консул вышел нас встречать и со словами «Здравствуйте, капитан!» подошел ко мне. С этого момента наши отношения с капитаном стали стремительно ухудшаться. В море на моей вахте мы слишком близко, по его мнению, прошли к ограждающему фарватер бую. Он сделал мне внушение, не преминув заметить, что я, вопреки уставу, отвлекаюсь на мостике посторонними разговорами. Хотя замечание было совершенно напрасным. Я и без того заметил, что во мне происходят какие-то перемены. Я стал нетерпимей, раздражительней, резче в суждениях, но и молчаливей. Значительный человек не болтает лишнего.

По возвращении в Ригу таможенник, заглянув в мою каюту и обнаружив на вешалке пальто, начал досмотр с раскручивания шурупов на переборках каюты. В это же время под пайолами машинного отделения обнаружили два порнографических журнала, и команду начали поочередно вызывать на допрос в КГБ. Дольше всех продержали меня. Похоже, мое пальто никому не доставляло радости.

Выйдя после допроса, я прошелся до железнодорожного вокзала и остановился возле щита объявлений. Может быть, судьба действительно подавала мне в тот раз знак, но я его

неправильно понял? Объявления по-прежнему выражали готовность приобрести зонтики и подержанные детские коляски, примусы и бобинные магнитофоны. Кожаные изделия не интересовали никого.

Через две минуты ко мне стала выстраиваться очередь бабулек в байковых платках, предлагающих по сходной цене комнату на месяц, день или час, и я поспешно ретировался до ближайшей комиссионки, где, почти не примеряя, купил неброское серое пальто из похожего на войлок материала. Надев его, я тут же сдал кожаное пальто на продажу и охотно согласился на скромную цену, названную приемщицей, которая предложила заплатить мне сразу, не выставляя Вещь на продажу. На душе и плечах сразу полегчало. Уже на выходе из магазина я столкнулся с девушкой, пахнувшей «Южной ночью». От неожиданности она уронила перчатку, и моя душа взлетела под облака.

Тревога

Ветер дул с берега, со стороны огромной угольной груды. Белоснежная надстройка «Иркутсклеса» понемногу покрывалась непрезентабельной вязью темных разводов. Впрочем, разглядывать судно было некому. Два портовых крана с большими электромагнитными тарелками на месте привычного крюка захватывали на берегу разнокалиберные куски искоженного металла, нацеливали тарелки с грузом на разверстые судовые люки, отключали электромагнит, и в трюмы с высоты в несколько метров сыпался металлолом. Грохот стоял невообразимый. Едва началась погрузка, судно опустело. Остались лишь те, кто обязан был находиться на борту по долгу службы – вахтенные. Благовидный предлог для ухода на берег нашел даже грузовой помощник Лобанов. Полноправным командиром «Иркутсклеса» остался третий помощник капитана Игорь Сенечкин, или Игорь Петрович, как начали называть его с недавних пор.

Штурманский китель с двумя полосками золотистых шевронов Сенечкин носил лишь третий месяц и к обязанностям своим относился крайне серьезно. Сейчас его жена Люба сидела в небольшой, но довольно комфортабельной каюте, зажимала руками уши и смотрела на мужа. Время от времени она отнимала от уха правую руку, чтобы прикрыть подавляемый зевок. Разговаривать из-за шума было почти невозможно. Она скучала, и ей хотелось спать. Остановиться в Риге было негде, своя квартира пока не светила, найти съемную комнату не удавалось, и две последние ночи она провела в дороге, в поезде из Воронежа, в плацкартном вагоне. Чтобы скрасить ситуацию, Сенечкин открыл бутылку вина, подливал понемногу в Любин бокал, но сам не пил. Зато каждые полчаса вставал и обходил судно.

Металлолом сыпался исправно. Металлическая стружка, дырявые чайники, детали станков, электромоторы, железные листы, проволока, паровозные колеса, гнутые рельсы, водопроводные трубы – найти здесь можно было все, что с явным удовольствием и делали при разгрузке испанские докеры, охотники за дорогим цветным металлом. Сенечкин заглядывал в трюмы, проверял натяжение швартовых канатов, проходил мимо запертых дверей жилой надстройки и возвращался в свою каюту, к жене.

Больше всего на свете ему хотелось сейчас повернуть ключ в дверном замке, скинуть китель, прижать жену покрепче и... Но устав морской службы говорил о том, что дверь каюты вахтенного штурмана должна быть всегда открыта, а право спать в ночное время он имеет, но не раздеваясь, и он уже трижды объяснил это Любе. Наступала ночь.

– Может, я лягу уже? – сказала она в короткое мгновение тишины.

– Конечно, конечно, – покивал он, и отвел глаза, когда она начала медленно расстегивать кофточку. – Ложись, ложись, а я еще обход сделаю и тоже прилягу.

Крановщики работали неумолимо. На борту все было в полном порядке. Вахтенный у трапа исправно нес службу. В конце концов, вполне можно было немного отдохнуть. На всякий случай Сенечкин еще раз прошелся по пустым коридорам и ощутил естественный позыв организма. Игорь Петрович зашел в ближайший туалет, галюн по-морскому, и запер дверь. Перед уходом он помыл руки в крохотном умывальнике и внимательно осмотрел себя в тусклом зеркальце над раковиной. Щеки его с нежной, нечасто еще тревожимой электробритвой кожей слегка зарделись в предчувствии нарушения устава, которое он сейчас собирался совершить. Потому как служба службой, но когда в постели ждет любимая женщина, да еще после двухмесячной разлуки...

Сенечкин резко дернул щеколду и нажал плечом на дверь. Дверь не открылась.

Поначалу он даже не понял, что случилось, а попросту крутнул щеколду еще раз. Дверь стояла незыблемо.

«Только спокойно, спокойно», – вслух сам себя урезонил Сенечкин и попытался сосредоточиться. Замок состоял из трех частей, а именно из насаженных на одну ось двух ручек и стального язычка внутри. Судя по всему, внутренняя ручка сорвалась с оси и на механизм больше не воздействовала. Выйти из ситуации можно было двумя способами: дожидаться, чтобы кто-либо повернул ручку снаружи или попытаться вышибить дверь. Сенечкин несколько раз с силой ударил кулаком по дверному полотнищу и понял, что грохот падающего в трюмы металлолома надежно перекрывает любые другие звуки. Сама же дверь при конструировании, возможно, предназначалась для какой-то иной надобности, она была сделана из двух скрученных между собой массивных металлических пластин и при попытках выдавить ее стояла незыблемо, как скала.

Он еще попробовал покрутить ручку в слабой надежде, что вдруг все образуется само собой, но чуда не произошло. Тогда Сенечкин внимательно осмотрел помещение. Три стенки граничили с машинным отделением, а четвертая, с дверью, отсекала гальюн от нижнего коридора судовой надстройки. В этот коридор выходили двери кают рядового состава. Все переборки были сделаны из металла, из такого же материала состоял потолок, к которому прикреплялся датчик пожарной сигнализации, а пол покрывала выщербленная кафельная плитка. Все оборудование состояло из унитаза, умывальника и прикрученного к переборке зеркала. В море судно постоянно испытывает вибрации от работы двигателя. В штормовую погоду гребной винт может оголиться, и в такие моменты корпус сотрясает сильнейшая вибрация. Центробежная сила качки готова сорвать любой предмет. Поэтому все на судне прикрепляется крепко, намертво, на года. И гальюн не был исключением.

Сенечкин опустил крышку унитаза, сел поверху и попытался представить, как на его месте поступил бы грузовой помощник. Лобанов был старше Сенечкина на четыре года, но выглядел намного обстоятельней. Он никогда никуда не спешил, но все успевал. Он никогда не уклонялся от сложных проблем и всегда выходил из них с блеском. И у него были незыблемые правила. «Бесполезное – вредно» – любил приговаривать он, особенно когда его кто-то пытался втягивать в сомнительные общественные мероприятия, будь то пышущий энтузиазмом комсомольский лидер моторист Венькин или первый помощник капитана Берзины. И оказывался прав.

Стучать, размышлял Сенечкин, было бесполезно, все равно никто не услышит. Оставалась надежда, что кто-то пройдет по коридору в момент затишья. Например, сменяющийся с вахты матрос Козлов. Но его вахта длится до четырех утра, а сейчас была только половина первого. Сенечкин представил, как на следующее утро Козлов с гаденькой кривоватой улыбкой начнет рассказывать, как он вызволял из гальюна молодого штурмана, этого салагу, и тихо застонал. Позор будет на весь флот. И еще Люба. Что подумает она? Как вообще можно объяснить женщине, ожидающей его в постели, что он по дороге к ней застрял в... гальюне!

С Любой они познакомились на выпускном вечере в мореходном училище, куда ее привела подруга Ольга, невеста его сокурсника Гриши Коломенского. Игорь и Люба не пропустили ни одного танца, и в каждом из них Игорь все тесней прижимал к себе необыкновенно красивую и умную девушку из Воронежа, студентку консерватории. Люба гостила у Ольги, и курсанты провожали девушек к Ольгиному дому вдвоем. Тогда Сенечкин впервые поцеловал Любу, на прощание. На обратном пути Гриша долго, словно ожидая одобрения, рассуждал о своей замечательной невесте, с которой он знаком уже целый год, о том, что решения в их морской жизни принимать надо быстро, на трезвую голову и пока ты еще курсант. Гриша с Ольгой договорились, что они поженятся, как только Коломенский получит первый отпуск после предстоящего выхода в море, чтобы денег хватило и на красивую свадьбу, и на медовый месяц. На следующий день они решили отметить новенькие дипломы в узкой компании, вчетвером, и поехали с девушками в Петергоф, в Петродворец. Разбившись по парам, они долго ходили по дорожкам между раззолоченных фонтанов, Сенечкин по памяти

декламировал сонеты Шекспира и все больше понимал, что Люба именно та, единственная и неповторимая, и что на поиски подобной у него никогда в его морской жизни больше не будет времени. Вечером он сделал предложение.

Свадьбу, очень скромную, они сыграли в родном Любином Воронеже, неделю спустя. Так Сенечкин воспользовался привилегией ускоренной регистрации брака, доступной только для моряков. Гще через неделю он получил назначение на «Иркутск-лес». А теперь он сидел взаперти и...

Гму стало жарко. Он стянул с шеи галстук и расстегнул ворот рубашки. Снял китель. Вскоре он расстегнул пуговицы рубашки полностью, посмотрел на покрывающие ее пятна пота и подумал, что помещение нагревается слишком быстро. Из-за угольной пыли механики отключили вентиляцию, и ограниченное пространство гальюна быстро перенимало температуру человеческого тела. Помещение оказалось почти герметичным, а это означало, что и количество кислорода в нем ограничено... знать бы насколько!

Сенечкин разделся до трусов, снова сел на крышку унитаза и постарался дышать как можно реже. Какое-то время это удавалось, но потом сердце забилося в ускоренном темпе, и легкие затребовали недополученное количество воздуха. В ушах загудело.

Ему стало грустно. Жизнь заканчивалась слишком рано и глупо, не успев, по сути, даже начаться. Когда-то, по рассказам матери, она гуляла с ним по улице, и возле его коляски, всего в нескольких сантиметрах, упал кирпич. «Ты везунчик, родился в рубашке», – говорила она ему потом. В первом классе он прогуливался вдоль реки во время ледохода и решил оттолкнуть от берега льдину. Она отъехала вместе с его ногой, и он оказался в воде. К счастью, рядом были двое ребят чуть постарше возрастом. Они вытащили его за воротник тяжелого, быстро набирающего воду ватного пальто, и у него впрямь появился повод уверовать в свою «рубашку». Теперь, похоже, она стала ему чересчур узка.

Шум в ушах не прекращался, и Сенечкин подумал, что он уж очень похож на звук... пожарной тревоги! Он вскочил с унитаза и прижал ухо к двери. «Уу-уу-уу» – надрывно и нескончаемо завывала судовая сирена. Временами звук ее сливался с грохотом металла, но в промежутки тишины ее слышно было отчетливо. Теперь уже точно будет никому не уснуть, народ побежит по своим заведованиям, а он сам должен подняться в рулевую рубку и оттуда руководить борьбой за живучесть. Сенечкин напряженно вслушивался в происходящее за дверь, но никто никуда не бежал, и он вспомнил, что людей на судне практически нет. Кроме его жены Любы и вахтенного Козлова, который, скотина, скорей всего, напился и спит у трапа беспробудным сном, не пробиваемым даже пожарной сиреной! А это значит, что ему вовсе не суждено задохнуться в гальюне, потому что он просто сгорит в нем вместе со всем «Иркутсклесом».

Сенечкин еще раз изо всех сил вжался в упрямую дверь и... услышал посторонний звук в коридоре.

– Эй! – во весь голос закричал он, стуча по металлу руками и ногой. – Эй, сюда!

– Кто там? – прозвучал за дверью удивленный мужской голос.

– Это ты, Янис? – опознал Сенечкин старшего матроса. – А это я, вахтенный штурман, третий помощник. Слышишь меня?

– Ах, вахтенный... Там сирена пожарная гудит, спать не дает. А вы чего не выходите?

– Не могу потому что! Замок сломался. Поверни наружную ручку.

– Понял. Поворачиваю. Э, да она сломалась.

– Сам знаю, что сломалась. Черт с ней. Ты вот что. Быстро беги в штурманскую рубку, там на стене стенд такой пожарный с судовым планом и лампочками. Посмотри, в каком помещении горит. Только бегом!

Определить по звуку, бежит неторопливый старший матрос или нет, Сенечкин не мог, но на душе его стало спокойней, и он натянул брюки. Вой сирены прекратился.

– Штурман! – раздалось за дверь. – Я посмотрел.
– Ну и?
– Это у вас горит.
– Что?! В моей каюте?! Но там...
– Да нет, не в каюте. Лампочка мигала над нижним коридором в надстройке, помещение номер 48. Я сигнализацию отключил.
– Черт, где это?
– Да в гальюне. Там, где вы сидите. Вы чего там, курите, что ли?
– Да не курю я здесь, я вообще не курю! А просто задыхаюсь. Ты же видишь, что замок сломался. Открой меня. И поскорей.
– Поскорей не получится. Дверь железная, едрить ее в Дарданеллы. И на кой черт такие делают? Тут инструмент серьезный нужен.
– Так возьми серьезный!
– Послушай, штурман, – сказал Янис. – Ты у нас недавно. А я десять лет на флоте. Стоянка у нас короткая, у меня жена приехала, мы с ней выпили. Понимать надо. Утром встану пораньше, возьму инструмент, и все будет оки-доки.
– Постой! – закричал Сенечкин. – Оки-доки ему! Я на данный момент не просто штурман, а вахтенный, старший на судне, все равно что капитан. Не откроешь сейчас, утром подам рапорт за неподчинение вахтенному штурману, и о флоте можешь забыть.
– Да пошел ты... капитан сраный! Пиши, что хочешь. А я пошел...
– Постой!
Сенечкин вслушался в звуки за дверь. Шагов Яниса не было слышно. «Трах-ба-бабах» в очередной раз раскатились по трюмам куски металлолома.
– Постой. Я тут и вправду задыхаюсь, да хрен с ним. Но у меня тоже жена приехала. Перед самым рейсом мы с ней расписались. Понимаешь...
За дверь стояла тишина. Крановщики устроили перекур.
– Да понимаю, – раздалось за дверь. – Так бы сразу и сказал.
Спустя полчаса Янис докрутил последний винт, и дверь распахнулась. Сенечкин вышел на палубу, устроил короткий разнос Козлову, который и впрямь безмятежно дремал, стоя при этом на ногах и уткнувшись носом в спасательный круг. Постоял, остывая, на свежем воздухе. И поднялся в свою каюту.
Дверь он открывал осторожно, стараясь не шуметь. Над столом горела настольная лампа, остальной свет был потушен, а закрывающие койку шторы задернуты. Он потихоньку отодвинул одну шторку и... увидел пустую постель со слегка смятой подушкой. Любы не было.

* * *

Хорошее настроение быстро улетучивалось. Поезд пришел в Ригу по расписанию, ровно в десять ноль пять, но ее никто не встречал, и она решила сразу поехать в порт. На привокзальной площади стояли цветочницы, и Люба купила три крупные белые хризантемы. Потом она взяла такси. Денег было в обрез, но с чемоданом и цветами добираться до порта на переполненном общественном транспорте, да еще в малознакомом городе, казалось слишком сложным. Огромный торговый порт растянулся по правому берегу Даугавы на много километров, но проходная была только одна, недалеко от центра города, и дорога, вопреки ожиданиям, заняла не более пяти минут. Люба расплатилась с водителем, забрала вещи и протянула охраннице, плотной женщине лет сорока в синем форменном кителе, свой паспорт.

– Что это? – охранница демонстративно щелкнула блокиратором вертушки и уставилась на Любу большими, навывкате, как у жабы, глазами.

– Паспорт, – ответила Люба, робея.

– Сама вижу, что не трамвайный билет. А пропуск где?

– Нет у меня пропуска. А...

– Так выпиши! Бюро пропусков за углом. Куда попасть-то хочешь?

– К мужу... То есть на корабль. На «Иркутсклес».

– Нет у нас такого, – теперь охранница смотрела на нее с явным подозрением.

– То есть как это – нет? – заволновалась Люба. – У меня муж штурман, я только с поезда, у меня телеграмма вот, там ясно сказано...

– Ладно, ладно, не суетись, – немного смягчилась охранница. – Иди к тому окошку, там разберутся.

В бюро пропусков действительно подтвердили, что «Иркутсклеса» в порту нет, но смилостивились и позвонили диспетчеру, выяснив, что судно еще на подходе, прибытие ожидается через час.

Часа полтора Люба, поставив чемодан на землю, терпеливо выхаживала между проходной и бюро пропусков. Десять метров в одну сторону. Десять в другую. Хотелось есть. Время от времени через ворота порта въезжали и выезжали машины, большей частью легковые, в том числе такси, и каждый раз Люба с надеждой вглядывалась в лица выезжающих пассажиров. Наконец она вновь подошла к окошку бюро.

– Прибыл ваш «Иркутсклес», – ободряюще сказала ей миниатюрная женщина в зеленой форменной рубашке с погонами. – На четырнадцатом причале стоит, сразу за угольной горой.

– Значит, – с надеждой спросила Люба, – я могу получить пропуск?

Женщина сочувственно улыбнулась.

– Нет пока. Сначала пройдет комиссия, потом на проходную доставят судовую роль на родственников и экипаж, и вот тогда...

«Тогда» растянулось еще на два часа. Наконец долгожданный пропуск был получен, и Люба, приободрившись, зашагала в указанном направлении. По разбитым дорогам носились автомобили и какие-то странные устройства, похожие на четырехлапых механических пауков, иногда с прицепленными к брюху контейнерами. По путанице рельсов медленно перемещались товарные составы и огромные портовые краны. Дорожки для пешеходов, там, где они присутствовали, были разбиты еще больше, и каблуки новеньких Любиных туфель то и дело проваливались в бесконечные выбоины. Чемодан оттягивал плечи. Стебли хризантем от беспрестанного их перекладывания из руки в руку обмякли и понуро склонили цветочные головы.

Еще полчаса спустя, окончательно измученная, она увидела огромный, сияющий свежей серой краской корпус «Иркутсклеса» с высокими, воткнутыми прямо в небо желтыми мачтами-кранами, с белоснежной надстройкой. Портовые краны, чем-то напоминающие гигантских болотных цапель, скармливали ему свою добычу из большой черной горы, наполняя пространство лязгом и грохотом. Возле трапа стояли несколько такси.

Вид судна придал Любе новых сил. Стебли хризантем размочалились окончательно, и она положила цветы на большой брикет аккуратно упакованного листового металла. «Как на крышку гроба», – подумалось ей. Подхватив чемодан, она бодро отшагала оставшийся отрезок пути и остановилась у трапа, с сомнением посмотрев на изогнутые рифленые дюралюминиевые ступени, круто убегающие высоко вверх. Трап со скрипом покачивался над темной щелью между корпусом судна и причалом. Наверху во всей красе стоял Сенечкин. Муж, одетый в парадный штурманский мундир, о чем-то разговаривал с седым человеком в светлых брюках и рубашке с коротким рукавом. Увидав Любу, Сенечкин быстро кивнул ей,

улыбнулся и сделал рукой какой-то непонятный знак, но не бросился навстречу, а продолжил разговор с седовласым собеседником. Мимо Сенечкина протиснулась, задев его заметным бюстом, девушка с тяжелой копной иссиня-черных волос. Она что-то сказала Игорю, улыбнулась, спустилась, помахивая туго набитым ярким полиэтиленовым пакетом, вниз, коротко взглянула на Любу и забралась в поджидающее ее такси.

Помедлив, Люба нерешительно ступила на нижнюю площадку трапа, но та вдруг отъехала в сторону, и Люба поспешно отдернула ногу. По трапу сбежал молодой парень в разношенных кроссовках и хорошо вытертых джинсах, взял у Любы чемодан, ободряюще улыбнулся ей и протянул руку:

– Здравствуйте. Я Вася. В туфлях трудно будет. Я вам помогу. Вы новенькая?

Вот так, не отпуская крепкой Васиной руки, она впервые поднялась по судовому трапу и подошла к мужу.

– Это моя супруга, Люба, – сказал он седовласому и только тогда повернулся к жене. – А это...

– Константин Львович, – галантно представился тот. – Очень приятно. Ну ладно, не буду вам мешать. Только смотрите, Игорь Петрович, не увлекайтесь.

Константин Львович поднял с палубы небольшой саквояж и легко сбежал с трапа.

– Это капитан, – сказал Сенечкин и обнял Любу, увлекая ее за собой в коридор надстройки, где было чуть тише, чем снаружи. – Ну, здравствуй, родная. Ты не обижайся, субординация...

– Я понимаю, – ответила она.

Каюта у Игоря оказалась небольшая, но уютная. В дальнем углу стояла высокая, закрытая шторой кровать, точно такая же штора отделяла в углу за дверью умывальник с зеркалом. Под довольно большим окном, или иллюминатором, вспомнила Люба, был прикручен письменный стол, с боковой стороны которого располагался небольшой кожаный диван.

По-настоящему они поцеловались только в каюте. Потом Игорь отстранился, усадил ее на диван и куда-то заторопился. Она приняла его объяснения в отношении сваленных на него обязанностей вахтенного штурмана, но ей показалось, что говорит он слишком поспешно и много, словно пытаясь скрыть за словами вызванную чем-то неловкость, и ощутила, как внутри ее начинает шевелиться червячок сомнения. Она вспомнила Ольгу и Гришу. «Просто я не хочу спешить, – объясняла ей подруга. – Мужчины врут искренне, потому что верят в свои слова. Это даже нельзя назвать враньем. Но измени вокруг них обстановку, и они начинают думать по-другому. В море-то у них тоже там, знаешь, буфетчицы, поварихи, докторши... А нам-то хочется сделать выбор на всю жизнь. Вот если Гриша, когда уйдет в море уже не курсантом, а штурманом, поймет, что он без меня не может и предложит пойти в загс, то я... еще подумаю!»

Игорь зашел в каюту в очередной раз и принес огорчительное известие: по случаю шума и короткой стоянки всех отпустили на берег, в том числе повара, и питание для вахты выделено сухим пайком. Поэтому они дважды пили кофе, закусывая сыром, копченой колбасой и шпротами. Шум не прекращался. Ближе к вечеру Игорь открыл бутылку сладкого красного вина и начал подливать ей, но сам не пил, ссылаясь на ту же вахту, и это тоже было довольно подозрительно. Спать при этом хотелось отчаянно, и она с трудом подавляла зевки.

– Может, я лягу уже? – сказала она в короткое мгновение тишины.

– Конечно, конечно, – покивал он и отвел глаза, когда она начала медленно расстегивать кофточку. – Ложись, ложись, а я еще обход сделаю и тоже прилягу.

Крановщики работали неумолимо. Она разделась, легла в кровать на правый бок так, чтобы вторая подушка закрывала левое ухо, подумала, что пролежит в таком положении до прихода Игоря, и мгновенно уснула.

Проснувшись, она не сразу поняла, где находится. Через плотную штору пробивался слабый свет. Она отодвинула штору и посмотрела на часы. Шел второй час ночи. Игоря не было.

Люба натянула на голое тело легкий халат, вставила ноги в шлепанцы и пошла искать мужа.

Она поднялась по ближайшему трапу наверх и оказалась в рулевой рубке, в которую некоторое время назад Игорь приводил ее на короткую обзорную экскурсию. Яркие светильники наружного освещения заливали рубку мягким янтарным светом. Тени от оконных переплетов протянулись по светлому полу, как клавиши рояля, и слегка подрагивали, словно в такт лязгающей в трюмах какофонии звуков, создаваемых гигантскими пальцами кранов, и ей показалось, что она различает диссонансы Карла Орфа. Вслушиваясь, она прошлась вдоль раскинутых от борта до борта окон и вжалась в уголок за корпусом радара, где, подумалось ей, наверное, не раз выстаивал на долгих морских вахтах ее супруг. Лязг металла смешивался с каким-то странным подвывающим звуком, чем-то напоминающим волюнку. Потом она ощутила за спиной движение, обернулась и увидела средних лет незнакомого темноволосого мужчину в одних трусах. У него было крепкое жилистое тело, грудь покрывала плотная волосяная поросль. Она вспомнила, что на ней тоже только тоненький, почти ничего не скрывающий халатик, представила, что может подумать Игорь, если тоже зайдет сейчас на мостик, и еще больше задвинулась за радар.

Мужчина подошел к какому-то устройству на стене, открыл дверку, повозился внутри, и подвывающий звук прекратился. Мужчина потянулся, запустил руку в трусы, поскреб там и, так и не заметив Любы, ушел. Но она еще долго не решалась выбраться из укрытия. Ей было жаль себя. В консерватории, а точнее, в институте искусств, как называлось заведение на самом деле, ей оставалось проучиться еще один год, но уже было ясно, что ни Рихтера, ни Плетнева из нее не получится, самое большое, на что она может рассчитывать, это место преподавателя музыки, и то, если повезет. Личная жизнь тоже вдруг поворачивалась не тем боком. Если муж даже сейчас, после долгой разлуки и ее двух ночей на жесткой полке поезда, не хочет уделить ей внимания, чего ожидать дальше?

Сверху хорошо просматривались носовая часть судна и причал, даже металлический брикет с увядшими хризантемами. Людей не было. Чуть поплакав, она спустилась с мостика и пошла по пустынным коридорам, пытаясь различить малейшие звуки за каждой из попадающихся на пути дверей. Тишина, если не считать лязга падающего металла, была полная. Лишь в нижнем коридоре за одной из дверей, казалось, ощущалось движение и были слышны голоса – глухой, совсем неразличимый, мужской и более отчетливый, как будто стонущий, женский. Люба застыла, пытаясь уловить в мужском голосе знакомые интонации Игоря. Еде-то хлопнула дверь.

Запаниковав, Люба поднялась по трапу в другой коридор, двери которого выглядели солидней, а на полу вместо вытертого линолеума лежала красная ковровая дорожка. Шум погрузки затих, и совсем рядом на трапе раздались шаги. Люба прижалась к стене, зацепилась за ручку, нажала на нее и дверь открылась. Она вошла внутрь.

* * *

Любы не было. Сенечкин сразу вспомнил ходящие среди моряков рассказы о возвращении с рейса, когда муж забывает дать радиogramму о приходе... Или о том, как жена оказывается в чужой каюте, пока муж стоит на вахте у трапа... Или... Что, собственно, он знает на самом деле о Любе, они и знакомы-то, по сути, всего несколько дней! Но не на пустом же судне!

Он выскочил в коридор и подумал, что спрашивать Козлова все равно бесполезно. А значит – вредно. Может, еще раз пройти мимо кают, пытаясь услышать звуки внутри? Пошло и унижительно. Ему захотелось подняться в рулевую рубку, постоять среди мерцающих лампочек контрольных приборов, сразу и точно определяющих, где происходит отклонение от нормы.

Конечно, приехать к мужу из дальних краев после долгой разлуки и потом сидеть целый день в каюте не слишком весело, но всему же есть предел! Он спустился в нижний коридор и пошел мимо кают рядового состава, внимательно вслушиваясь в происходящее за дверьми. Крановщики все еще не приступали к работе, и на судне царил тишина. Звуки доносились только из каюты Яниса. В голове штурмана мелькнуло страшное подозрение. А вдруг Янис дождался, когда Сенечкин зайдет в гальюн, и скрутил ручку специально, чтобы спокойно провести время с Любой? Не зря же он не хотел открывать до самого утра и передумал только потому, что побоялся, как бы штурман не задохнулся на самом деле? В какой-то момент Сенечкину захотелось ворваться в каюту матроса, чтобы разобраться с ситуацией, не откладывая, но потом он одернул себя. Предположение было глупое. Во-первых, он сам вписывал данные на жену Яниса в судовую роль. Во-вторых, Янис полностью контролировал ситуацию с дверью, и Люба давным-давно бы уже была на месте. Нет, искать надо в другом месте.

Он поднялся на следующую палубу и пошел по скрадывающей шаги ковровой дорожке, пытаясь вспомнить, кто из командного состава мог остаться на борту. Судно подключили к береговой электролинии, и присутствия вахтенного механика не требовалось. С другой стороны, четвертый механик Брамудов был не женат и вполне мог остаться ночевать на судне или вернуться ночевать, если не смог найти подходящего развлечения на берегу.

Сенечкин осторожно надавил на ручку. Дверь была заперта. Тогда он нащупал в кармане мастер-ключ, открывающий любую судовую дверь. Других вариантов просто не могло быть. Сенечкин вставил ключ в скважину, повернул дважды, осторожно открыл дверь, вошел и застыл, давая глазам время адаптироваться к сумраку каюты, лишь слегка подсвеченному отблеском береговых огней. Полог над койкой был слегка отдернут, и за ним угадывались очертания человеческого тела. Или двух?

В трюм грохнулась очередная партия металлолома, и корпус содрогнулся, разнося по судну уже привычную какофонию звуков. Сенечкин ощутил за спиной движение, и кто-то толкнул его в спину. Чтобы не упасть, он взмахнул руками, уцепился за полог над койкой и сдернул его. Койка, если не считать небрежно брошенной куртки Брамудова, была пуста. Он развернулся и увидел силуэт женщины в легком ночном халатике. По иллюминатору скользнул луч прожектора от разворачивающегося крана, и Сенечкин узнал Любу.

– Что ты здесь делаешь!? – закричал он.

– Я искала... А что тут делаешь ты? – закричала она в ответ.

– Я... Я – по долгу службы! Ну, сирена пожарная сработала, когда я... словом, проверить надо было. Вот.

– А я, я... просто захотела в туалет. И заблудилась. Двери все одинаковые. И не надо на меня кричать.

– Так шум же.

У Сенечкиных начиналась семейная жизнь.

На спор

Труднее всего не свихнуться со скуки...
(Из песни Андрея Макаревича)

1

Моряки – народ суеверный, и я не составляю исключения. Если солнце село в воду, я, как и полагается по примете, сообщаю интересующимся, не заглядывая в прогноз, а то и вопреки ему, что назавтра погода будет просто блеск. И наоборот. Если солнце село в тучу, значит, что бы ни пророчили синоптики, природа назавтра непременно устроит какую-нибудь пакость. Злую бучу, если точно следовать стихотворному изложению. Пока народная мудрость не подводила.

Подобного рода приметы и поговорки у моряков придуманы на любые события, и я тешу себя надеждой, что когда-нибудь сяду за письменный стол и составлю целый сборник, который станет основой для нового курса обучения молодых навигаторов. Пока же точность поговорки «Бойся в море старых пароходов и молодых капитанов» я проверял на собственной шкуре.

Пароход «Александр Невский» был рудиментарным остатком грузового флота времен Второй мировой войны, выстроенным на американских стапелях по программе «ленд-лиз» всего за полтора месяца. Строился пароход предельно просто и дешево. Фактически на один переход с грузом из Америки в осажденный Советский Союз. Но пароходу повезло. Он не попал в перископ немецкой субмарины, не был обстрелян с воздуха, не натолкнулся на минное поле. Раз за разом он набивал обширные трюмы грузом и выходил в очередной рейс. Последний, пророчили ему в Дальневосточном пароходстве. Тридцать два года спустя пароход пришел в Ригу.

Капитан Пахомов был ровесником парохода. Рейс с металлоломом из Владивостока в Испанию, а затем с углем из Риги на Кубу стал для него первым самостоятельным плаванием. Подразумевалось, что по возвращении на Дальний Восток пароход пойдет на переплавку, а для капитана за это время подыщут что-нибудь поновей.

Мне было двадцать два, и на пароход я попал случайно. В июле перед уходом в свой первый трудовой отпуск я зашел в отдел кадров, и начальник отдела встретил меня радостной улыбкой, которую я на тот момент еще не научился распознавать.

– Вот кто вам нужен! – сказал он крепко сбитому молодому мужчине в рубашке с коротким рукавом.

– Капитан Пахомов, – представился тот, пожимая мне руку. – Скажите, а вы были в Бразилии? Мне нужен третий помощник.

Увы, на планете Земля осталось еще множество мест, в которых мне не удалось, а скорей всего, уже и не удастся побывать. В те же годы Бразилия была сказочной экзотикой даже для моряка торгового флота. И я вспомнил поговорку «Никуда не просись, ни от чего не отказывайся».

За три месяца мы дошли до Кубы, выгрузили десять тысяч тонн угля, заполнили трюмы мешками с желтым сахаром-сырцом, прошли Панамский канал и взяли курс на Ханой. Расчетное время перехода через Тихий океан составляло сорок пять суток. Бразилия осталась несбыточной мечтой.

Жизнь на пароходе стала совсем скучной. Библиотеки на борту не было, а каждая лента из небольшого запаса кинофильмов была прокручена по многу раз. Кино смотрели по вече-

рам, во время моей вахты, на кормовой палубе. Действие фильма отчетливо просматривалось на оборотной стороне экрана с крыльев рулевой рубки. Капитан пытался контролировать каждое действие штурманов, а я на Балтике привык к самостоятельности, и наши отношения разладились. Пахомов то и дело давал мне скучные и, на мой взгляд, ненужные задания по ревизии карт и лоций. В отместку я поджидал, когда экипаж на киносеансах замирал в предвкушении самых любимых сцен, и вызывал капитана на мостик, чтобы поделиться сомнениями в отношении до бесконечности отдаленного от нас огонька на горизонте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.